Российские Пропилеи

Ольга МЕДУШЕВСКАЯ

Теория исторического познания: Избранные произведения

Российские Пропилеи

Ольга Медушевская

Теория исторического познания. Избранные произведения

«ЦГИ Принт»
2016

УДК 1(470)(091)(082.1)
ББК 87.3

Медушевская О. М.

Теория исторического познания. Избранные произведения / О. М. Медушевская — «ЦГИ Принт», 2016 — (Российские Пропилеи)

ISBN 978-5-88415-999-0

О. М. Медушевская (1922—2007) — выдающийся российский философ истории, историк и источниковед, создатель научной школы Московского государственного историко-архивного института, автор более 200 трудов по теории и методологии истории, источниковедению, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам. В книге рассматривается следующий комплекс проблем: теория и методология гуманитарного познания, становление и развитие источниковедения, источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания, история как когнитивная наука, проблемы исторической антропологии и исторической географии. Включены также работы, в которых представлена новая когнитивно-информационная модель образования. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(470)(091)(082.1)
ББК 87.3

ISBN 978-5-88415-999-0

© Медушевская О. М., 2016
© ЦГИ Принт, 2016

Содержание

I. Теория и методология гуманитарного познания 6
История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество 6
История в общей системе познания: смена парадигм 14
Методология истории как строгой науки 19
Теория и методология истории как университетская дисциплина 32
II. Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания 35
Источниковедение: теория, история и метод 35
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ольга Медушевская
Теория исторического познания. Избранные произведения

© С. Я. Левит, И. А. Осиновская, составление серии, 2010
© А. Н. Медушевский, правообладатель, 2010
© И. Л. Беленький, составление тома, 2010
© «Университетская книга», 2010

* * *

I. Теория и методология гуманитарного познания

История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество

Философия науки ввела особый термин для изучения динамики связей между когнитивным аспектом науки (генерированием учеными новых идей) и состоянием сообщества, способного эти идеи воспринимать и разрабатывать. Фундаментальная теория, разделяемая сообществом и ставшая основой общих представлений и дисциплинарной матрицы, получила название парадигмы. Это ключевое понятие затрагивает согласованность представлений сообщества прежде всего о своем объекте, что позволяет далее применять общие критерии истинности и доказательности в оценке новых научных результатов. Наличие парадигмы является признаком сформировавшейся современной науки, поскольку наука, в отличие от повседневного знания, системна и каждый ее элемент влияет на состояние уровня науки в целом и, наоборот, функционирует как единое целое. Господствующая парадигма влияет на образ науки, представленный в университетах, формирует общее концептуальное пространство, очерчивает корпус научных произведений, составляющих классику, воспроизводится в разнообразии учебных курсов. Это позволяет обеспечить преемственность и связь поколений, осуществлять бесперебойное воспроизводство и развитие науки как социального института. Выявление связей когнитивного аспекта с состоянием общества позволило рассматривать историю науки в ее динамике и в категориях смены парадигм. Т. Кун как автор данной идеи склонен был рассматривать динамику развития науки в категориях разрыва и противостояния[1]. Что касается истории, то здесь смена парадигм выступает как длительный процесс, проявляющий себя в целом спектре переходных состояний. Сложившийся традиционно корпус базовых социокультурных исторических представлений и стереотипов имеет столь важное значение для идентификации индивидов, сообществ и систем, что это не может не влиять на состояние профессионального сообщества и его единство. Если в отношении естественных и точных наук существует достаточно четкое разделение науки и искусства, науки и повседневного знания, исследовательского и научно-популярного жанра, то в отношении истории эти различия не столь очевидны. Тем важнее, на наш взгляд, анализировать и определять все эти понятия. Известно, что наблюдатель, находящийся внутри системы, двигаясь вместе с ней, не может воспринимать ее как целое и многое вообще не замечает. Попытаемся поэтому лучше понять собственную ситуацию со стороны, поставив историю в общий контекст совокупности не только наук о человеке, но и наук о природе в самом широком смысле слова.

Этот вопрос имеет свою историю и существенную динамику: за прошедшее столетие взгляды философов и специалистов на отношения между науками о человеке и науками о природе изменились кардинально. Если в начале XX в. многие разделяли представление о принципиальном различии эпистемологических подходов (номотетика – изучение законов и типологий в науках о природе и идиографика – ценностный подход к систематизации разнообразия в науках о духе), то теперь возобладало стремление к познанию общих закономерностей и междисциплинарному диалогу. Действительно, науки имеют общую цель – предоставление обществу нового, доказательного, системно выстроенного знания, ради получения которого цивилизованное общество нового и новейшего времени создает и поддерживает в

[1] *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М., 1975; 2-е изд. М., 1977.

рабочем состоянии социальный институт науки. Возникают концепции профессионализма: ученые получают определенный статус социального слоя; формируется научное сообщество. Это сообщество, в свою очередь, представляет собой неформальное объединение специалистов, разделяющих общие идеи данной области науки, они вырабатывают свои критерии проверки научных результатов и соответствующие этические нормы по отношению к способам добывания знания и его распространения. Очевидно, что эти понятия выходят за пределы одной области знания, в нашем случае – гуманитарного. Находясь в пределах специфически человеческих параметров (как, например, «наука о знаках»), невозможно ответить на вопрос о том, как данный феномен соотнесен с окружающим (природным) миром. Целесообразно поэтому рассматривать проблематику науки истории в пространстве философии науки, социологии науки и истории науки в целом. На первый план при таком подходе выступает вопрос о возможностях эмпирических наук, вопрос об объекте познания.

Науки, достигшие необходимого уровня философской обоснованности, стремятся выработать согласованное представление о своем общем объекте как наблюдаемой и обладающей относительной стабильностью части реальной действительности для того, чтобы каждая из наук, обращаясь к его изучению в соответствии со своим предметом, могла соотносить с другими свои гипотезы, свои интерпретации и, соответственно, обсуждать критерии достоверности полученных данных. Именно тогда возникает ситуация междисциплинарного диалога по принципу взаимодополняемости и может быть достигнут новый уровень представлений об объекте и о пределах достижимой точности знаний.

Итак, если вопрос о наблюдаемом эмпирическом объекте столь существенен для научного сообщества, то правомерно этот вопрос прежде всего и рассмотреть применительно к наукам о человеке. Может ли история как наука существовать в общем познавательном пространстве эмпирических наук о человеке и о природе, добиваться единства критериев, изучать общий объект, получать взаимодополняемые данные? Поставив вопрос таким образом, мы обнаруживаем, что в профессиональном сообществе представлены различные взаимоисключающие ответы на него. В рамках правовой, традиционной, парадигмы история не есть наука наблюдения, она «изучает» то, чего нельзя наблюдать по определению, – «прошлое». В рамках другого подхода история – наука наблюдения, эмпирическая наука. В работе классика методологии истории, «историки», немецкого ученого XIX в. И. Г. Дройзена так и сказано: «Согласно эмпирической природе нашей науки материал для ее исследования должен иметься налицо и в таком виде, чтобы им можно было воспользоваться эмпирическим путем»[2].

Две парадигмы исторического знания имеют свои различные логики. Традиционная логика восходит к повседневному сознанию: человеческое мышление формирует картину мира, в том числе и мира исторического, объединяя разрозненные фрагменты данных, поступающие извне, наделяя их по своему разумению связями, среди которых метафорические, поэтические, а также повседневно-бытовые играют преобладающую роль. Сам принцип создания общей картины выступает как очевидность и рассматривается путем сопоставления с альтернативными гипотезами. Создается общая картина, в частности – историческое полотно, образ, часто это повествование в его различных жанрах.

Нарративная логика риторического повествования, восходящая к древней традиции, в Новое время модернизируется с помощью критического мышления: утратившие первоначальные связи фрагменты, остатки или отдельные свидетельства проверяются на подлинность (соответствие времени и месту событий) и на достоверность высказываний с позиций способности их авторов к точности передачи впечатления и искренности намерений это сделать. Этим исторический нарратив отличается от создаваемого аналогичным образом художественного нарратива. Развитие исторической критики в свое время действительно было прогрессом в

[2] *Дройзен И. Г.* Историка / Пер. с нем. Г. И. Федоровой. Под ред. Д. В. Скляднева. СПб., 2004. С. 84.

области исторического знания. Однако способ формирования целостной картины («исторический синтез») остается верным своему прототипу художественного творения.

«Нарратив формулирует тезис о прошлом или же предлагает определенную “точку зрения”, с которой следует рассматривать прошлое»[3]. В рамках нарративной логики исторический синтез – дело самого историка, и он настолько зависит от его индивидуальных творческих способностей, что в принципе может осмысливать и объединять даже те фрагменты прошлого, которые с помощью исторической критики представил в подлинном виде другой историк-эрудит: классика жанра допускает, что эти два этапа общей работы (аналитика и синтез) проводятся разными людьми в соответствии с различиями их творческих предпочтений, их психического склада (именно так думали Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос)[4].

Нарративная логика, тем более теперь, редко выступает в чистом виде. Множество переходных форм и конвергенция исторических жанров в историографической исследовательской практике препятствуют тому, чтобы увидеть чистые «идеальные типы» разных подходов. Но исследователи исторического нарратива в XX в. все же провели это различение и ясно показали истинную природу нарратива: синтез формируется не как исследование связей реальности, но как работа исторического воображения, образ формируется с помощью метафорических, поэтических ассоциаций прежде всего[5]. Эпоха определяет «набор событий», а отчасти и «способ сборки», которым руководствуются историки-профессионалы и, в той же мере, мыслители-непрофессионалы, поскольку они смотрят на прошлое из одной и той же современной им картины мира.

Степень точности и степень новизны полученных данных не является при данном подходе системообразующими параметрами создаваемого синтеза, и поэтому вполне логично исследователи исторического нарратива отказывают данному подходу в научности. «Нередуцируемый идеологический компонент» неотделим от нарративного подхода, это происходит «просто потому, что история не есть наука или, в лучшем случае, есть протонаука с определенными ненаучными элементами своей конструкции»[6].

Соглашаясь с тем, что средствами искусства нельзя создать научное исследование, обратимся к проблеме истории как эмпирической науки, поскольку тогда и только тогда возникает искомый и желаемый диалог с представителями других наук. Для этого необходимо продолжить разграничение теоретических парадигм в историческом сообществе, научиться различать традиционалистскую нарративистскую от феноменологической (по своей основе) источниковедческой (по ключевому понятию). Дополнительную сложность ситуации придает своеобразное двоемыслие, которое также не исключено в сообществе: ученый-историк готов соблюдать все требования академической науки, кроме одного – критически осмысливать собственную исследовательскую методологию, аргументировать ее доказательность.

Суть феноменологического подхода вполне соответствует общенаучным представлениям о непосредственном наблюдении и логике интерпретации данных. Науки изучают реальные взаимосвязи явлений и процессов действительности, выявляют главные, системообразующие связи, представляют результаты изучения в виде теорий, моделей, схем, вырабатывают основания для корректной компаративистики. В источниковедческой теории метод связан с раскрытием информационного ресурса, который закладывается в интеллектуальный продукт при его создании. Человек в процессе своей целенаправленной деятельности создает этот интеллектуальный продукт, продукт имеет материальный образ, в котором и сохраняется, поэтому

---

[3] *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М., 2003. С. 29.

[4] *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории / Пер. с франц. А. Серебряковой. СПб., 1899.

[5] *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.

[6] Там же. С. 41.

может служить источником непосредственного наблюдения и интерпретационных процедур. Произведения, созданные целенаправленно и осознанно, соотнесены с человеческим целеполаганием и с реальностью окружающего мира. Общая мысль источниковедческого исследования строится универсально: внутренние параметры информационного ресурса обусловлены экзогенными связями автора интеллектуального продукта (источник как продукт человеческой психики, по определению А. С. Лаппо-Данилевского)[7]. Внешние параметры интеллектуального продукта связаны с условиями его создания в определенных конкретно-исторических условиях (источник – историческое явление, по определению Л. В. Черепнина[8]). Экзогенные и эндогенные параметры формируют информационный ресурс в рамках человеческой деятельности. В свою очередь, это дает возможность построения гипотез, позволяющих интерпретировать смысл его создания и выявлять степени достоверности информационного ресурса.

В рамках данного теоретического направления существует в настоящее время ряд общих алгоритмов, формируется широкий спектр метадисциплинарных исследовательских и научно-педагогических подходов, источниковедческой компаративистики[9].

Формирование предметной области методологии науки происходит постепенно, но получает новое качество, когда возникает ее институционализация. История науки показывает, что это может происходить в рамках академических структур и – что особенно существенно – в рамках университетской науки. В этом – последнем – случае концептуализация предметной области происходит быстрее, поскольку она диктуется необходимостью формирования учебных курсов, учебных изданий и практик преподавания. Известно, что в области методологии истории ряд трудов, в частности «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского, становятся известными сообществу прежде всего как лекционные курсы[10].

Очень важно, что в структуре отечественной академической науки и университетского преподавания существует наряду с традиционными специальностями специальность, охватывающая предметно историю исторической науки, источниковедение и методы исторического исследования. Этот вопрос имеет принципиальное значение в связи с различением науки и повседневного знания.

Существуют ли объективные, наблюдаемые признаки уровня зрелости той или иной науки, отличающие сформировавшуюся современную науку от повседневного знания? Этот вопрос встал перед научным сообществом в начале XX в., когда обозначились первые признаки глобализации, становления информационного общества как явлений, которые требовали нового уровня обобщения. Оказываясь перед лицом новых задач, индивид осмысливает свое поведение, становится личностью; народ обретает новые силы, осмысливая свое историческое поведение и перспективы; подобным образом сообщество осмысливает уровень своего знания, подвергает аналитике исследовательские методы, осуществляет мониторинг способов производства знания. Для этого научное сообщество создает особую предметную область –

---

[7] *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 366–379.

[8] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 5; 1951. Ч. 2. С. 387–389.

[9] Например: Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2003; Образ науки в университетском образовании: Материалы XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2005; Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. / Редкол.: В А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2006; Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г. / Редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2007.

[10] *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. Ч. 1: Теория исторического знания: Пособие к лекциям, чит. студ. С.-Петерб. ун-та в 1909/10 учеб. г. СПб., 1913. Вып. 2. Ч. 1: Теория исторического познания. Ч. 2: Методы исторического изучения: Пособие к лекциям, чит. студ. С.-Петерб. унта в 1910/11 учеб. г.; *Он же*. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, чит. студ. Петербургского университета в 1906/7 учеб. г. СПб., 1907. Ч. 1: Теория исторического знания; СПб., 1908. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 1: Методология источниковедения; СПб., 1909. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 2: Методология исторического построения.

область логики науки, наукоучения. Именно формирование предметной области наукоучения как логики науки – важный фактор уровня зрелости самой науки, ее отличие от повседневного знания. В свое время, в начале XX в., анализируя ситуацию кризиса европейских наук перед лицом грядущих перемен в глобальном мире, основатель современной феноменологии подчеркнул необходимость формирования предметной области наукоучения как признака ее зрелости и как условия динамического развития. Сообщество изменяет себя тем, что делает область научного метода предметом постоянного осмысления и обсуждения. Метод изучается как норма, рассматривается в динамике своего изменения, смены методологий. «Сравнительное изучение этих методических средств, – писал философ, – в которых отразились познание и опыт бесчисленных поколений исследователей, и может помочь нам установить общие нормы для подобных приемов, а также и правила для их изобретения и построения сообразно различным классам случаев»[11].

Формирование предметной области наукоучения выступает как качественно новая стадия: настоящая, зрелая наука, по мысли Гуссерля, делает преподавание метода системообразующим для преподавания науки в университетах[12].

Обратившись с указанными критериями к истории исторической науки, можно отыскать в ней те ключевые позиции, которые выражают ее качественно новое состояние. Важны три позиции: формирование теории и методологии науки, появление новаций в образовательной модели (когда не просто транслируется готовое знание, но начинается обучение методу) и постепенное выявление освоения новых идей сообществом, формирование новой парадигмы. Первый опыт теории исторического знания – «Историка» немецкого ученого И. Г. Дройзена – представлял собой одновременно и курс лекций, в котором он определял место истории и ее метода среди других наук. Как показывают исследователи и публикаторы этого замечательного труда, в момент своего появления в свет он не стал известен, и тем более выдвинутые идеи не могли стать признанной парадигмой для сообщества. Они более созвучны настроениям исторического сообщества в настоящее время[13]. Мимо нашего внимания не проходит и другой значимый индикатор в истории науки – появление в конце XIX – начале XX в. университетских курсов, своего рода «введений» в изучение исторического метода. Некоторые из них неоднократно переиздавались, переводились на другие языки, формировали определенные представления о предмете истории.

Первые опыты встречали в сообществе неоднозначные отклики. Авторы наиболее известного «Введения в изучение истории» (1898) Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос тщательно разъясняют своевременность обращения к данному предмету, отнюдь не ожидая встречного понимания и поддержки общества. Им известно, что английские историки осудили смелую попытку Э. Фримена прочитать студентам курс лекций о методах исторического изучения. А нам, напротив, известно, что в России на книгу Э. Фримена откликнулся развернутой, глубокой статьей академик К. Н. Бестужев-Рюмин, основатель знаменитых Высших женских курсов: он знакомил с книгой об историческом методе широкий круг русских читателей – педагогов и выдвинул собственную концепцию подобного методологического курса[14].

---

[11] *Гуссерль Э.* Логические исследования // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 186; *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 28.

[12] Там же. С. 197; *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. С. 41.

[13] *Савельева И. М.* Обретение метода // *Дройзен И. Г.* Историка. С. 6.

[14] *Freeman E. A.* The Methods of Historical Study: Eight lectures read in the University of Oxford… with the inaugural lecture on the Office of the Historical Professor. London, 1886; *Фриман Э.* Методы изучения истории: Восемь лекций 1884 г. с прил. лекции об обязанностях профессора истории. Главные периоды европейской истории: Шесть лекций 1885 г. с прил. ст. о греческих городах под римским управлением / Пер. П. Николаева. М., 1893; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Методы исторических занятий. The Methods of Historical Study: Eight lectures read in the University of Oxford in Michaelmas term 1884 with the inaugural lecture on the Office of the Historical Professor by Edward Freeman. London, 1886: [Рец.]. СПб., 1887. То же: Журнал Министерства

Русская классика наукоучения в истории – теоретический труд и одновременно лекционный курс «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского, читавшийся как общий курс с 1906 г. Воспоминания непосредственных учеников Лаппо-Данилевского, его коллег по академической и преподавательской деятельности, интеллектуалов разных поколений, так или иначе испытавших его влияние, позволяют лучше представить, каким образом пробивает себе дорогу новое учение об историческом методе. Выделив учение о методе в особую предметную область, было гораздо легче найти понимание среди специалистов различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания, философии. «Естественный союз философии и эмпирической науки» особенно выделяли в деятельности Лаппо-Данилевского его коллеги, философы и историки науки. Смена парадигм происходила и происходит в условиях, способствующих междисциплинарному общению. Среди тех, кому запомнились методологические диспуты, представлены философы, социологи, экономисты, филологи, правоведы, историки. Решающее значение имеет не столько узкая специализация, сколько общность философского мировосприятия. Принимая источниковедческий подход, история как наука наблюдения свободно вступает в диалог с представителями естественнонаучного знания. Разумеется, произведения человека и реальности природного мира изучаются различными методами. Но данный подход создает для разных типов наук возможности взаимодополняемости: человечество – часть мирового универсума, но его особенная, «наделенная сознанием, часть» (А. С. Лаппо-Данилевский), а для философа-натуралиста союз философии и естественной эмпирической науки создает возможность прослеживать преобразование биосферы в ноосферу не только как философскую идею, но конкретно-исторически (В. И. Вернадский).

Ход событий в мире в первой трети XX в. изменил общественное сознание, сделал явной неэффективность нарративистской логики консервативного исторического профессионализма. Эта логика, как уже отмечалось, исходит из исторического воображения историка, а оно в свою очередь опирается на стереотипы сложившейся картины мира. Согласно ее канонам, историк и выбирает тот или иной «способ сборки» своего «образа прошлого». Но условия перехода к информационному обществу, существование сообществ в режиме синхронного взаимодействия и прямого диалога культур, ставшие реальностью XX в., не поддавались традиционным «способам сборки», имевшимся в распоряжении нарративиста. Поэтому необходимость перехода к иным методам изучения реальности стала очевидностью. Происходившие в сознании историков перемены дали о себе знать событиями конца 20-х годов XX в. Обозначая здесь только векторы перемен, мы видим их два: один направлен вовне – к поиску новых аспектов видения исторического настоящего с помощью других наук – географии, психологии, антропологии, филологии, лингвистики, социологии, экономики, статистики, демографии, количественных методов. Другой вектор, по определению менее результативный в ближайшей перспективе, был обращен не к поиску новых междисциплинарных свершений, но внутрь, к совершенствованию собственно исторического исследовательского подхода. Оба вектора заявили о своем присутствии почти одновременно: мы имеем в виду основание журнала, чьим знаменем отцы-основатели сделали переход к новой парадигме, – бои за историю как науку о человеке (журнал «Анналы» основан в 1929 г.). В эти же годы для практических, но по-своему масштабных целей превращения централизованного архивного документального наследия страны в информационный ресурс и управления им, создается новая специальность исторического образования – это историк-архивист, непосредственно связанный с своим эмпирическим макрообъектом (1930 г.).

Нарративистская логика была в новых идеологических условиях сохранена для трансляции исторического знания и манипулирования историческим сознанием: исторические концепции открыто корректировались и направлялись сверху. Но, с другой стороны, нарративист-

народного просвещения. 1887. № 2.

ская логика совершенно не срабатывала в управлении информационным ресурсом, а потому новая практическая задача потребовала привлечения научных сил для создания эффективной концепции историко-архивоведческого профессионализма. Необходим был информационный профессионализм, прежде всего умение распознавать в материальном образе документа его информационный ресурс, не очевидный для поверхностного взгляда, но выступающий в архивоведческих практиках как ответ на любой информационный запрос для целей государственного управления, для целей хозяйственно-экономических, культурных, технических. Создать концепцию системы дисциплин, раскрывающих истинный информационный ресурс источника, стало творческим проектом Историко-архивного института. Нет ничего на свете практичнее хорошей теории: и эта практика исследования и преподавания неуклонно требовала, чтобы предметная область исторического метода отделилась от страноведческой, традиционной структуры университетских дисциплин и образовала отдельную, ориентированную на метод как предмет преподавания, структуру.

Единожды возникнув, структурное подразделение исторической логики, методологии стало оказывать свое влияние на общее состояние исторического сообщества. Именно здесь, в Историко-архивном институте, будущий академик М. Н. Тихомиров создал свой (вместе с С. А. Никитиным) классический учебник (1940 г.)[15]. Ему удалось создать кафедру источниковедения в Московском государственном университете, а в дальнейшем аналогичные островки «наукоучения» исторического метода, источниковедения (часто вместе с историографией) стали отличительной чертой нового исторического образования, а также академической науки. Вполне реально в структуре науки и исследовательском поле существует главный признак зрелой науки – особая предметная область наукоучения («историография, источниковедение и методы исторического исследования»).

Самая последовательная и успешная в XX в. концепция изменения исторического сообщества – это концепция создателей журнала «Анналы» (1929 г.). Уже в ней (притом что оба ученые-основатели – Марк Блок и Люсьен Февр – ее разделяли) присутствовало два вектора желаемых модификаций. Один, впоследствии блестяще реализовавшийся, это вектор выхода историков во внешнее междисциплинарное пространство[16], «лицом к ветру», к созданию междисциплинарных новых направлений. Другой вектор обращен не во внешний мир, но более внутрь собственного профессионализма историка, к фиксации и осмыслению собственного исследовательского метода. Во введении к книге М. Блока, имевшей «некую долю программы», возникает образ не просто ремесленника своего дела, но ведущего «запись» о своем методе, подмастерья, работающего не только инструментом своего ремесла, но фиксирующего способ работы[17]. Предметом размышлений о методе в книге является, в частности, необходимость перехода от нарративной логики с ее априорным способом объяснения, к «серьезному аналитическому занятию»[18]. Априоризм неэффективен: «причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать»[19]. Ученый уделил значительное внимание аргументации в пользу концепции истории как науки наблюдения, он хорошо показал, что отличие истории от наук, изучающих «настоящее», иллюзорно: в обеих ситуациях исследуется не восприятие и непосредственное наблюдение, но эмпирический, доступный, в свою очередь, научному наблюдению объект. И этот объект у истории бесспорно существует. История

---

[15] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940 (Курс источниковедения истории СССР / Ред. Ю. В. Готье; Т. 1); *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). М., 1940 (Курс источниковедения истории СССР / Ред. Ю. В. Готье; Т. 2).

[16] *Февр Л.* Бои за историю: Сб. ст. / Пер. А. А. Бобовича и др. Ст. А. Я. Гуревича. Коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1991.

[17] *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко. Примеч. и ст. А. Я. Гуревича. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 14.

[18] Там же. С. 11.

[19] Там же. С. 112.

как «серьезное аналитическое занятие», констатировал ученый, была «совсем еще молода», и он, обращая сообщество к реализованному «следу» человеческого присутствия, подчеркивает: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно… Любопытно, как люди, чуждые нашей работе, плохо представляют себе масштаб ее возможностей»[20].

Размышляя об исторической методологии, интереснее всего говорить о перспективах. Из сказанного ранее могло сложиться впечатление, что два вектора развития научной истории как будто бы разнонаправленны: один – выводит историю в междисциплинарное пространство ее общения с психологией, географией, антропологией, социологией, филологией и историей литературы, другой – погружает в глубины самоусовершенствования. Но в действительности эти крайности сходятся. Вопрос состоит лишь в том, в каком качестве историческое сообщество выходит на контакт в междисциплинарное пространство гуманитарных и негуманитарных областей знания. Нарративная логика ведь тоже не исключала возможности для историка воспользоваться помощью других наук, сложилось даже традиционное название (интернациональное определение) для такого типа отношений – вспомогательные науки истории. В чем его суть? В иерархическом отношении наук друг к другу – одна главная, другая вспомогательная. Они могут меняться местами, и тогда история оказывается вспомогательной для истории наук о пространстве или времени. Помощь друг другу при таком подходе оказывается всегда ограниченной, например, география помогает истории локализовать место исторического события, не более того. Так общаются специалисты, не рассматривающие свой исследовательский объект как системный и общий и не достигшие необходимого уровня обобщения собственного исследовательского метода. Положение меняется, когда у исторической науки появляется предметная область наукоучения, возникает возможность взаимодополняющих исследований – уже не просто междисциплинарных, а метадисциплинарных, создающих новое качество знания. Можно было бы привести ряд примеров такого взаимодействия в общем пространстве, имеющем академическое название специальности «методы исторического исследования». В данном направлении развиваются в настоящее время историческая география, историческая хронология, историческая метрология, историческая генеалогия и геральдика, ряд новых источниковедческих направлений.

Профессиональные историки, способные анализировать проблему своего исследовательского метода и обсуждать ее вместе с коллегами, сегодня составляют уже весомую часть научного сообщества. В ряде университетских центров возрастает интерес к проблематике теории и методологии истории. Историческая наука возвращается на новом качественном и главное – философском уровне к ценностям точного знания, доказательности, находит выход из герменевтического круга в пространство обсуждения научных гипотез и интерпретационных моделей с представителями других областей научного знания.

В силу ряда причин, о которых здесь отчасти кратко упоминалось, российская образовательная модель исторического профессионализма несколько более продвинута в сторону желаемых перемен в сообществе. Это свое преимущество следует, во-первых, осознавать, и, во-вторых, главное – более направленно использовать и развивать в области научных исследований и в области совершенствования современного образования.

Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». М., 2008. № 4. С. 17–30.

[20] Там же. С. 39.

История в общей системе познания: смена парадигм

Единство гуманитарного знания не самоцель. Смысл состоит в том, что науки, достигшие необходимого уровня философской ориентированности и теории, стремятся выработать согласованное представление о своем общем объекте – как наблюдаемой и относительно стабильной части реальности – для того, чтобы каждая из наук, обращаясь к этому объекту в поисках информации, соответственно своему исследовательскому предмету, могла соотносить с другими критериями достоверность полученных данных. В этой ситуации возникает возможность диалога наук между собой по принципу взаимодополняемости, добиваясь нового уровня представлений о целостности объекта и пределах точности знания. Такую согласованность теоретического основания и мнения общества принято называть парадигмой, и она, по идее ее автора, соединяет когнитивный аспект науки с состоянием научного сообщества.

Науки имеют общую цель – предоставление обществу нового, системно выстроенного, доказательного знания, ради получения которого цивилизованное общество нового и новейшего времени создает и поддерживает в рабочем состоянии социальный институт науки. Возникают концепции профессионализма, ученые получают определенный статус социального слоя, формируется научное сообщество. Это сообщество, в свою очередь, представляет собой неформальное объединение профессионально образованных ученых, разделяющих общие идеи данной области науки, которые вырабатывают свои критерии проверки научных результатов и соответствующие этические нормы по отношению к способам добывания и распространения научного знания. Понятно, что оставаться в пределах одного лишь гуманитарного знания при данном подходе недостаточно. Находясь в пределах специфически человеческих параметров, никакая наука не сможет ответить на главный по существу вопрос: как данный феномен (например, способность обмениваться знаками) соотносится с окружающим миром. Целесообразно поэтому взять другой ракурс и рассмотреть в данном случае историю в ее отношениях с общей системой.

Известно, что наблюдатель, находящийся внутри функционирующей системы, не может получить о ней целостного представления, поскольку сам является ее частью и движется вместе с ней. Поставив историю в связь с другими науками – не только о человеке, но и о природе в широком смысле слова, попытаемся лучше понять собственную ситуацию со стороны. Тем более, что сам этот вопрос, – он имеет существенную динамику. За прошедший XX – начало XXI вв. взгляды сообществ на отношения между науками о природе и науками о духе существенно изменились. От утверждений о принципиальном различии возможностей – поиска типологий и законов в номотетике и неструктурированности уникальных вариантов в идиографике – до, в настоящее время, общего стремления к сближению, когда одно лишь обозначение качества «междисциплинарности» делает исследование более привлекательным.

Итак, если вопрос о единстве наблюдаемого эмпирического объекта столь важен для научного сообщества, то правомерно с него и начать: может ли историческая наука существовать в едином эпистемологическом пространстве наук о человеке и наук о природе, добиваться желаемого единства, изучать единый объект и получать данные от наблюдений и их логических интерпретаций, проверять свои результаты общенаучными методами. Только в этом случае, подчеркнем, возможно говорить о равноправном диалогах и взаимодополняемости данных. Поставив вопрос таким образом, мы обнаруживаем, что в историческом профессиональном сообществе представлены оба ответа. Прежде всего на вопрос о том, существует ли у истории наблюдаемый объект. Если история «сама» создает свой объект, то диалога не возникает. Если, напротив, история есть наука эмпирическая, то стоит далее рассматривать этот объект, его специфику, методы наблюдения в сравнении с науками о природе – тогда диалог возможен и даже увлекателен для обеих сторон, несмотря на очевидные трудности.

Нужно правильно понять ситуацию, которой придает дополнительную сложность своеобразное двоемыслие, которое также представлено в сообществе. Ученый готов представить сообществу результаты своего исследования в соответствии со всеми требованиями академической науки в целом, за исключением одного: с помощью каких методов эти результаты получены. Но то, что правомерно в искусстве – создавать объект, руководствуясь только законами, самим автором над собою поставленными, – не работает в науке, поскольку обсуждение метода – это и есть начало диалога о взаимодополняемости данных. Мешает ясности общей ситуации неразграниченность двух парадигм, причудливое сочетание: стремление модернизировать традиционалистский, нарративистский подход историков, не меняя его по существу, с помощью заимствованной терминологии из других, более востребованных и популярных областей знания. Перенос терминов дает эффект метафоры, слегка облегчает понимание в тех пределах, какие доступны метафоре – не более того. Камуфлируется методологическая неразграниченность теоретических парадигм. Поэтому сразу же следует определить ситуацию в историческом сообществе как СМЕНУ ПАРАДИГМ. Одна из них – традиционная, нарративистская, и другая – феноменологическая по своей основе, источниковедческая по ключевой позиции. Каждая из двух парадигм отвечает на главный вопрос об объекте исторической науки различным образом (диаметрально), и поэтому далее различается вся система отношений с другими науками, в том числе и с науками о природе. Традиционная модель строит отношения с другими науками иерархически: одна наука главная, другая вспомогательная (они могут меняться местами), но суть не меняется: вспомогательная наука может лишь помочь главной в деталях, она не создает нового качества. Если эта наука – история, то в свою очередь, точные науки, такие как хронология, метрология, математика, выступают как вспомогательные, точно так же – естественная наука – география, она поможет определить место исторического события. О взаимодополняемости и формировании нового научного представления об общем объекте нет и речи, нет и общих критериев верифицируемого знания.

Напротив, феноменологическая парадигма истории имеет свои ответы на вопрос об общности объекта наук и их различии, и следовательно, о диалоге наук и взаимодополняемости данных о природе и человеке. О главных параметрах феноменологической парадигмы имеется созданная за последнее столетие значительная литература. Поэтому главное внимание стоит сосредоточить на примерах конкретного, уже состоявшегося подхода на ее основе – не междисциплинарного в традиционном иерархическом смысле, но на примере нового отношения между науками – метадисциплинарного синтеза, взаимодополняемости, в результате которого возникают (должны и будут возникать, поскольку есть принципиальная возможность) примеры создания новых направлений исследований, где наука о природе и наука о человеке выступают как взаимодополняющие. Возьмем один, но зато вполне состоявшийся пример – историческая география. Далее попытаемся рассмотреть условия, необходимые и достаточные для создания метадисциплинарных направлений подобного типа.

География – естественная наука, изучающая оболочку планеты в ее динамике и статике. Уже возникший метадисциплинарный синтез дал новое качество исторической географии как дисциплине, помогающей не только локализовать место исторического события, но и изучить нечто гораздо более сложное – взаимодействие человека и природы как в статике единого, всегда одного и того же (Э. Гуссерль) реального мира, так и в динамике отношений человека и природы, биосферы и ноосферы в конкретном воплощении – наблюдаемом гуманитариями и естественниками едином объекте.

Таким образом, традиционная парадигма нарративной логики может предложить историку различный «способ сборки» исторических остатков или исторических высказываний, сохранившихся в источниках. Создание исторического нарратива при данном подходе мало отличается от того, что создает в своем воображении художник. Недаром исследователь нарра-

тивной логики историков[21] не видит особых отличий подобного типа исследований от исторического романа. Со своей стороны отметим, что различие все же есть, и оно состоит в том, что такое исследование основывается на проверке достоверности каждого в отдельности высказывания и подлинности обозначенного места и времени – по отношению, разумеется к теме исторического повествования. Но философ прав в том, что сам способ создания произведения в обоих вариантах один и тот же. Логика нарратива может модифицироваться, но принцип ее не меняется. Поэтому приходится говорить о смене парадигм, а не об их эволюции.

В рамках традиционной нарративной логики происходит и модификация исторического метода в условиях смены парадигм.

В условиях перехода от европоцентризма к глобализации нарративистская логика историка не работает, поскольку нового способа сборки он в своем опыте не находит. Смена парадигм начинает осознаваться как неизбежная. Основатели Школы Анналов оставили идеи, до сих пор не утратившие актуальности. Одна из них – идея междисциплинарности[22]. Но междисциплинарность в условиях господства нарративистской парадигмы может реализоваться лишь иерархически: новую тематику задает востребованная антропология – историк обогащает тему историческим материалом и т. д. Еще более важная идея основателей Школы Анналов осталась неуслышанной. В своей знаменитой работе, к сожалению, оставшейся незавершенной, М. Блок довольно резко осудил нарративистскую логику истории, определив ее как состояние зацикленности в «эмбриональной форме повествования»[23] и отметив в данной связи, что история «как серьезное аналитическое занятие» была (1943 г.) «еще совсем молода». Этим и объяснялся парадокс, берущий свое начало с конца XIX в., когда историческое сообщество само себя вывело за пределы эмпирических наук, некритически и наивно интерпретировав идеи неокантианства о фундаментальном различии объектов наук о природе и наук о духе и методов их изучения.

Иную трактовку предлагает феноменологическая парадигма истории. Она позволяет рассматривать историю как науку, имеющую свой эмпирический объект. Человек в процессе целенаправленной деятельности создает свой интеллектуальный продукт, который становится основным источником информации наук о человеке, а через продукт – информации о мире в целом. Произведения, созданные целенаправленно и осознанно, имеют материальную форму, свой образ, который соотнесен с законами окружающего реального мира. При данном источниковедческом подходе историческая наука имеет свой материальный объект, становится наукой наблюдения.

Разумеется, произведения человека и недискретные объекты природы изучаются различными методами. Но данный подход создает для двух типов наук возможности взаимодополняемости, получения информации о взаимодействии человечества (как части мирового универсума, по А. С. Лаппо-Данилевскому) с окружающим миром, и более того, науки о природе включают в свое рассмотрение процесс превращения биосферы в ноосферу (В. И. Вернадский), используя для изучения объекты как природного, так и человеческого, целенаправленного происхождения. Историческая география дает нам положительный пример реализации принципа метадисциплинарного взаимодействия истории как науки гуманитарной и географии как науки естественной по принципу взаимодополняемости данных и создания нового знания. Каковы же необходимые и достаточные условия, которые понадобились для реализации теоретической возможности в исследовательской и образовательной практике? Во-первых, для этого необходима теоретическая разработанность логики науки в виде особого ее раздела – наукоучения. Об этом в свое время писал основатель феноменологического подхода

---

[21] *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика историков. М., 2003.

[22] *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

[23] *Блок М.* Апология истории. М., 1986. С. 11.

Э. Гуссерль. В рассматриваемом нами прецеденте, с одной стороны, была разработана логика и методология истории, в частности методология источниковедения. Но, с другой стороны, была разработана и логика самой географии как естественнонаучной области познания и на ее основе создана теория исторической географии как дисциплины, способной не просто «помогать» историку, но вступать в конструктивный диалог взаимодействия (В. К. Яцунский). Ученый обосновал и аргументировал оригинальную концепцию предмета и задач данной науки, изучающей основные аспекты географии физического природного мира, планеты и географии политической и экономической, размещения населения и хозяйства в их исторической длительности, иначе говоря – в процессе превращения биосферы в сферу человеческого разума, ноосферу[24].

В дальнейшем данная концепция была принята в общенаучной среде[25].

Во-вторых, взаимодействие исторической концепции в ее источниковедческой парадигме и концепции исторической географии было осуществлено на уровне общеобразовательной университетской модели нового уровня. Это событие произошло в Историко-архивном институте, когда проф. А. И. Андреев пригласил для создания общего курса исторической географии В. К. Яцунского. Новая образовательная концепция, созданная и апробированная на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, кардинально отличается от традиционной образовательной модели, ориентированной в основном на подготовку специалистов, транслирующих новым поколениям уже готовое знание и поэтому ориентированных на создание «исторических полотен», что не дает четкого различения знания уже достигнутого от нового знания, и, соответственно, мало ориентированной на формирование умений достижения нового знания и распознавания степеней его точности. Новая модель Историко-архивного института соединяет в своем бренде историю и ее объект (его часть, зафиксированную в письменном виде), но обязательно имеющем свои материальные эмпирически доступные наблюдению объекты (что существенно и для теории, и для практики). Новая модель исторического образования оказалась востребованной для практического освоения (и контроля) информационного макроресурса страны в масштабах документального наследия как государствообразующего информационного феномена высочайшего значения – в иерархии философии, науки и практики исторического сознания, национальной идеи. Новый тип историка, ориентированного на практику работы с эмпирическим объектом, логично поставил в центр способность распознавать информационный ресурс, как выраженный непосредственно, так и запечатленный в структурах документа как исторического источника и как единицы систем документооборота и информационного общества данного типа в целом. Понятно поэтому, что умение распознавать информацию, необходимую для научных, политических, экономических, хозяйственных, природопользовательных, культурных и иных целей, стало необходимой частью образования.

В-третьих, диалог ученых-историков и ученых-географов оказался взаимодополняющим и полезным для тех и других. Данный диалог, реализовавшийся в создании нового историко-географического направления, данной научной школы, способствовал обращению географического сообщества, весьма широкого по интересам, проблематике и научным связям, их приобщению к специальным проблемам исторической географии[26].

Основные направления данного метадисциплинарного взаимодействия определились как исследование проблем исторической географии – политической, экономической, размещения населения, транспорта, географических открытий и освоения новых регионов – на основе

---

[24] *Яцунский В. К.* Историческая география. Постановка проблемы и задач исследования // Историческая география XVII–XVIII вв. М., 1955. С. 3–20.

[25] БСЭ и СИЭ. СИЭ. М., 1965. С. 514–517.

[26] *Яцунский В. К.* География рынка железа в дореформенной России // Вопросы географии. М., 1960. Сб. 50. Историческая география / Отв. ред. В. К. Яцунский. С. 110–146.

широкого круга исторических источников – географических чертежей и карт, писцовых книг, переписей населения, статистики и записок путешественников.

В настоящее время по аналогичным основаниям теории, источниковедческой образовательной модели и успешного диалога истории и ряда фундаментальных точных наук формируются новые метадисциплинарные направления – это прежде всего направления исторической генеалогии, исторической хронологии, исторической методологии. Данные направления на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин разрабатываются традиционно с учетом классического наследия учителей и представлены современными научными трудами, в том числе концептуальными корпусами учебных программ и научно-педагогических практик[27]. Данная конференция представляет дальнейшее развитие метадисциплинарных научно-педагогических исследований.

Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М.: РГГУ, 2007. С. 12–19.

[27] Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001; Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции. М., 2006.

Методология истории как строгой науки

Наука… есть не что иное, как идея бесконечности задач, постоянно исчерпывающих конечное и сохраняющих его непреходящую значимость.
Э. Гуссерль

Понятие истории как строгой науки не является общепринятым. Неокантианское философское противопоставление наук о природе и наук о духе (истории прежде всего) по их методам констатировало вполне реальную ситуацию: стоящие перед науками о человеке исследовательские трудности на порядок выше тех, которые стоят перед исследователями природы. В свою очередь, модифицируясь на профессиональном уровне историков, это различение стало трактоваться ими в смысле неправомерности применения общенаучных критериев к их научной деятельности. При такой трактовке под вопросом оказывается сама возможность Науки о человеке. Действительно, человек, обладающий свободой воли, непредсказуем. Но важно подчеркнуть, что его изучение и постижение осуществляется с помощью разных видов познавательной деятельности (искусство, интуитивное постижение, миросозерцание, самоанализ). Наука – лишь один из них. «Наука является одной из… ценностей человечества», и она есть «создание коллективного труда исследующих поколений»[28]. Но коль скоро речь идет о науке, то с этим понятием неразрывно связаны определенные критерии. Это и общественные ожидания (точного, надежного нового знания) и различение методов науки и искусства, и логичность исследовательских методов, и возможность их совершенствования.

Постановка проблемы методологии исторического знания предполагает выведение обсуждения прежде всего на междисциплинарный, а более того – метадисциплинарный уровень, на анализ нашего современного видения общекультурной ситуации в науке и высшем гуманитарном образовании, на обсуждение теоретических универсалий. Проблематика точного, логически выведенного и доступного для проверки научного знания, заявленная нами как центральная тема конференции, рассматривается здесь в рамках уже представленной научно-педагогическим направлением эпистемологической концепции. Данное научное направление, основанное, как известно, в первой четверти XX в. и определяемое его первыми интерпретаторами как феноменология культуры, было уже тогда ориентировано, в силу особой специфики исторического познания и состояния исторической науки, на разработку преимущественно теоретических основ методологии истории и на ее реализацию в исследовательских, научно-педагогических и научно-организационных социальных практиках научного сообщества[29]. Ключевыми для представителей гуманитарных наук, разделяющих данную концепцию, стали метадисциплинарные основания, восходящие к общегуманитарным универсалиям человеческой деятельности, и направленность на развитие методов интерпретации культурных объектов – реализованных продуктов целенаправленной деятельности человека, служащих источником познания и общим объектом гуманитарных наук. Для данного направления характерно единство концепции исследования и преподавания, направленность на формирование системной методологии истории как науке о человеке в рамках эволюционного и коэкзистенциального единства человечества. Последовательно анализируются возможности данной познавательной парадигмы для решения актуальных проблем гуманитарного знания: междисциплинарных взаимодействий в изучении пространственных параметров человеческой

---

[28] *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 172.

[29] *Медушевская О. М.* А. С. Лаппо-Данилевский и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996; *Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Методология истории. М., 1997.

деятельности[30]; компаративных исследований на основе источниковедческих типологий культурных объектов[31]; компаративного изучения структур повседневности в рамках исторической антропологии и антропологически ориентированной истории[32]. В данном разделе мы продолжаем рассмотрение проблем системной методологии гуманитарного знания на основе источниковедческой парадигмы и акцентируем значение логических дисциплин в формировании истории как строгой науки.

Обращение к проблемам логики исторического знания как к самодостаточной сфере теоретической деятельности и как к особой системе дисциплин высшего гуманитарного образования диктуется прежде всего их актуальностью в современной культурной ситуации в целом. Одной из характерных ее примет стало обращение массового сознания к более адекватному восприятию представлений об историческом источнике и источниковедческой парадигмы. Все более заметен рост интереса к документу, к вещевым реалиям как источникам информации о социокультурных группах, к этносам, к региональным аспектам истории, географии и культуры, истории генеалогии, семьи, микроистории и исторической антропологии. Коллекционирование, мода «ретро» и т. п. выражают возрастание историзма общественного сознания, постепенное его высвобождение от ранее господствовавшей разобщенности письменной и устной, массовой и элитарной культур. Аналитики отмечают, со своей стороны, значительное возрастание интереса исследователей и издателей к «скрупулезному изучению источников» по всему спектру гуманитарных и социальных наук[33]. Данная обнадеживающая тенденция возрастания историзма массового сознания развивается спонтанно и может быть интерпретирована как своего рода обращение к подлинно научным ценностям истории как строгой науки. Она предполагает ответную деятельность профессионалов – выработку методологических ориентиров исследователей и концепции профессионального образования историков, преодоления сложившихся ранее стереотипов. Нам особенно близка идея перехода от репродуцирующего образования к развивающему через особый комплекс логических дисциплин, разрабатывающих системную методологию исторического знания – ее теоретические основания, нормативы и критерии достоверности научного результата, исследовательских методик и техник. Практико-исследовательский и педагогический опыт использования логики и методологии исторического знания историки, отчасти в силу сложившихся предубеждений и стереотипов предшествующего периода (в отличие от некоторых других направлений гуманитарного знания), недостаточно используют, не обобщают, не выводят на междисциплинарный общегуманитарный уровень. Полученные нами тезисы вполне могут стать нашей общей основой для заинтересованного обсуждения всего комплекса проблем, связанных с возможностями превращения истории в строгую науку и изменения концепции исторического профессионализма в желаемом направлении.

Данный раздел посвящен проблеме методологических оснований такого продвижения. Они выявляются через коллективные представления историков, в их динамике; о них, далее, опосредованно свидетельствуют методологические искания, происходящие «извне» исторической науки – в других областях гуманитарного знания и особенно в ситуациях их пересечения с нею (например, ситуация лингвистического «поворота»); и, затем, рассматриваются основания, выступающие как системообразующие для истории как науки, в категориях источниковедческой парадигмы. В рамках данной концепции понятия науки и строгой науки рассматриваются как синонимы.

---

[30] Исторический источник: Человек и пространство. М., 1997.

[31] Исторический источник: Человек и пространство. М., 1997.

[32] Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

[33] *Семенов Е. В.* Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России // Вопр. истории естествознания и техники. М., 1997. № 2.

2.1.1. Коллективные представления историков в динамике смены парадигм

Позитивистская парадигма точного знания. Логические нормативы «Введений в историю». Текст, автор, достоверность в категориях традиционной исторической эрудиции. Вызов глобальной истории. Переосмысление позитивистской парадигмы точного, критически проверенного знания.

Позитивизм, развивавшийся под влиянием успехов естественно-научного знания XIX в., формировал в сообществе ученых особое уважение к точности научного утверждения, чистоте эксперимента и наглядности методик его проведения. Критицизм, неприятие неочевидного результата, ответственность ученого стали характерными чертами позитивистского научного сообщества, отвергавшего любую «метафизику». В то же время, в исторической науке в результате многовековых исследовательских практик накопился огромный комплекс технологических приемов и наблюдений над историческими источниками и содержащимися в них свидетельствами. Необходимость обобщения накопленного исследовательского инструментария историка привела к становлению особой дисциплины профессионального образования. Первые попытки создания такой дисциплины входили в университетскую практику не без борьбы. Известна, в частности, негативная реакция научного сообщества на работу Э. Фримена «Методы исторического изучения»[34], о которой писали французские ученые, решившиеся тем не менее создать (вслед за «Историческим методом» Э. Бернгейма) и свое «Введение в изучение истории». Особый жанр учебных пособий, ориентированных на обучение методам исторического исследования, неизменно оказывается привлекательным для историков[35]. Спустя долгое время после их выхода в свет, эти работы продолжают вызывать полемические, подчас весьма жестокие суждения; с их «знаменитыми формулами» полемизируют неоднократно Л. Февр, Р.-Дж. Коллингвуд, А. И. Марру даже в середине XX в.[36] При всей своей незавершенности (выраженной в самом понятии «введений» в историю), работы этого жанра знаменательны. Они обозначили становление новой, особой дисциплины – дисциплины нормативной, формулирующей принятые нормы научного профессионального сообщества соответствующего уровня. И, следовательно, очертили пространство для сравнительного изучения нормативов, выраженных в педагогических рекомендациях. Возможность сравнительного подхода объясняет притягательность этих работ для практикующих гуманитариев: ведь «сравнительное изучение этих методических средств, в которых отразились познания и опыт бесчисленных поколений исследователей, и может помочь нам установить общие нормы для подобных приемов, а также и правила для их изобретения и построения сообразно различным классам случаев» (Э. Гуссерль)[37]. Возникает, однако, вопрос: почему данное направление не нашло своего продолжения и развития, почему после окончания Первой мировой войны подвергалось столь жесткой критике? Почему «знаменитые формулы» позитивизма стали в глазах последующего поколения символом того, с чем следует бороться, а следовательно, стали тормозом для развития новой исторической науки?

«Введения в историческую науку» обозначили пространство для формирования нормативной, по существу логической, дисциплины о способах исторического изучения. Но это не было сделано на теоретической, метадисциплинарной основе. Авторы этих работ, в соот-

---

[34] *Фриман Э.* Методы изучения истории. М., 1886; *Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1899; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. СПб., 1908.

[35] *Бестужев-Рюмин К. Н.* Freeman E. The Methods of historical Study: [Рец.] // ЖМНП. 1887. Февр.; *Валк С. Н.* Из «Введений в историю» // Историк-марксист. 1927. № 5.

[36] *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Коллингвуд Р.-Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980; Histoire et ses Methodes. Paris, 1961.

[37] *Гуссерль Э.* Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1991. С. 189.

ветствии со своими позитивистскими представлениями, не задавались вопросом онтологического характера: что представляет собой исторический процесс и как, в связи с его природой, могут строиться методы его исследования. В поле их зрения находились «тексты», объективные остатки реальности, и соответственно формулировались нормы и правила обращения с ними.

Позитивистскую методологию принято рассматривать как ориентацию историка на изучение узкой, конкретной, фрагментарной темы. Но это верно лишь отчасти. В действительности же такой подход ориентирован на стабильность ряда важнейших параметров европоцентристской науки, причем таких параметров, которые хорошо известны всему научному сообществу. Многовековой опыт европоцентристской историографии базировался на том, что все научное сообщество располагает обширной базой данных об общекультурной ситуации (в пределах истории античности, средних веков, начала нового времени и т. п.), об информационном пространстве, типичном для основных этапов этой исторической длительности; в частности, о ее типологии источников, о соотношении устных и письменных, а также вещественных свидетельств, о соотношении письменной и устной, массовой и элитарной культур, о системах ценностных ориентаций (религиозных и правовых, в частности), о характерных для данного типа культуры представлениях об авторах, текстах, произведениях, способах передачи информации и многом другом. Стабильность и общедоступность соответствующих объемов информации и создает возможность выведения за пределы внимания профессионала таких аспектов ремесла историка, как проблемы поиска информации, выбора источников, выбора ценностных ориентаций. Изложение нормативов профессиональной деятельности возможно при этом начинать прямо с выбора темы и сосредотачивать главное внимание уже на нормативах научной критики и интерпретации текстов. Вызов новейшего времени, вызов глобальной истории изменил это положение. Глобальная история – это история не одной и уже изученной культуры, но многих других культур. Это – история человека во времени[38], а следовательно, встает вопрос об иных информационных пространствах: одно из них представлено первобытным мышлением, другое, не менее сложное – информационное пространство современности, XX века с его новыми технологиями воспроизводства и передачи информации. И, наконец, это история повседневности – имеющая другую глубину по сравнению с событийной «историзирующей историей» позитивизма.

Глобализация всех социальных процессов, охвата «коэкзистенциального и эволюционного целого» человечества в его единстве[39], необходимость осмысления не только процессов внешней событийной истории, но всей глубины существования широких масс людей в их повседневности ставит перед специалистами совершенно несопоставимые с прежними по объему задачи. Информационное пространство, требующее внимания, памяти, структурирования, стало иным.

Все отчетливее приходит понимание того, что с этими объемами информации, влияющей на современного человека и, следовательно, требующей ответных действий, невозможно справиться теми средствами и способами, которые выработаны человечеством, до сих пор мыслившим национальными, европоцентристскими, категориями. То, как человечество справляется с этим информационным пространством, определило содержание наук XX в., прежде всего наук о человеке.

Естественно, что «новая историческая наука» не могла оставить в неизменном виде традиционные представления историка о его профессиональном исследовательском ремесле. Особенно труден вопрос о возможности целостного видения человеческой истории – одновременно в разнообразии и единстве. Представления о позитивистском «синтезе» как система-

[38] *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

[39] Так формулировал идею нового объекта исторической науки А. С. Лаппо-Данилевский.

тизации критических проведенных фактов не выдерживали проверки новыми реалиями. При огромных «пробелах» исторической информации глобальной всеобъемлющей «новой исторической науки» синтез стал представляться достижимым лишь в сознании самого познающего субъекта – историка. Такой синтез достигается не суммированием известных и проверенных фактов, но мыслится как результат «постижения», переживания опыта прошлого в сознании историка[40].

Позитивистские методологии разделяют анализ и синтез.

«Анализ источников» формулирует нормы и правила выявления «фактов», которые затем, на уровне «синтеза», систематизируются для воссоздания картины целого. Аналитическая деятельность, связанная преимущественно с текстами, и синтез не связаны друг с другом как нечто целостное, и даже могут (по мысли, например, Ш. Ланглуа) осуществляться разными людьми. Ш. Ланглуа рассуждает даже о различных психологических типах людей, одни из которых более склонны к эрудитской, текстологической, а другие – к обобщающей, синтезирующей деятельности[41]. Но даже и в том случае, когда аналитические процессы и синтез, а вернее – онтологические и гносеологические вопросы, излагает один автор, позитивистская методология не рассматривает связи этих видов деятельности. Так, например, Н. И. Кареев писал раздельно о теории исторического процесса и о теории исторического знания[42]. Мысль о том, как же связаны они между собою, остается при таком подходе непроясненной. Практикующие гуманитарии позитивистской парадигмы не интересуются теоретико-методологическими концепциями. Они оставляют за собой право воспринимать их как бы извне, демонстрируя тем самым свою исследовательскую независимость от господствующих концепций или, напротив, воспринимая те или иные общеметодологические идеи «извне» (например, своеобразный «экономический марксизм»). Непроясненность теоретическая, и даже неосознанность психологическая, реальной связи между онтологическими и гносеологическими аспектами практики гуманитария-историка дает своеобразные эффекты. Один из них – возможность некоторой внутренней исследовательской свободы (техники) в рамках жесткой идеологизированной онтологической парадигмы. Но эта позиция оборачивается своей негативной стороной в условиях, когда онтологическая концепция больше не привносится извне. И тогда позитивист испытывает явный дискомфорт, поскольку раскрыть связь проблемы метода и результата возможно лишь на метадисциплинарном уровне. Позитивистская установка на раздельность процесса добывания «фактов» и их систематизирования и «синтеза» получает своеобразную модификацию в новых условиях развития междисциплинарных взаимодействий. Она укрепляет представление о возможности широкого использования историком научной информации, добытой средствами других, в том числе естественных наук. Между тем, вопрос междисциплинарной интеграции – это всегда вопрос прежде всего метадисциплинарной теории, поскольку это всегда вопрос о новом объекте, новом видении пространства гуманитарных наук, нового языка науки[43].

Позитивистская нормативная дисциплина «Введение в историю» не искала ответов на метадисциплинарные вопросы. Это и решило ее судьбу в условиях, когда стала очевидной необходимость перехода от европоцентристской модели исторического мышления к глобальной, целостной познавательной модели наук о человеке. Закрепленные в виде норм научного сообщества старые критерии достоверности и точности и соответствующие им утвердившиеся исследовательские критерии, оказались тормозом для историков, а высвобождение из этих норм, их преодоление стало основной целью борьбы за новое историческое мышление.

---

[40] *Коллингвуд Р.-Дж.* Идея истории. М., 1980; *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.

[41] Классический учебник Ланглуа и Сеньобоса и написан двумя авторами.

[42] *Кареев Н. И.* Историка: теория исторического знания. Пг., 1916.

[43] *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413.

Воспринимающий формирование многополюсного мира новейшего времени как профессиональный вызов, историк ориентируется на новую, глобальную проблематику своей науки, на изучение человека во времени в самых широких хронологических рамках – от первобытного мышления до информационного общества; он ориентируется на все более глубокое изучение структур повседневности, на проблематику антропологически ориентированной истории. И если он осуществляет свой поворот к новой проблематике, исходя из позитивистских методологических норм, то он неизбежно испытывает разочарование, переходящее в инфляцию методологического профессионализма вообще. Действительно, жесткие нормативы позитивистской критики источников, ассоциируясь с «бесконечными сериями публикаций» документов[44] или «кучами грамот», вызывают в нем негативные чувства, хотя бы уже потому, что для других культурных общностей, для изучения экзотических цивилизаций ему никто ничего подобного не подготовил. И, следовательно, вряд ли он сможет традиционно обосновать научному сообществу свой подбор источников, свой интеллектуальный выбор. Каждый историк в этой ситуации сам выбирает и тему, и соответствующие ей основания, сам и решает, насколько одно другому соответствует. Он действует как художник, которого следует судить по законам, им самим над собою поставленным. Различие между наукой и искусством неприметно стирается. Приемы работы с текстами свертываются до уровня вспомогательной эрудиции, применимой лишь теми узкими специалистами, которые продолжают, вопреки очевидности новых запросов, работать с рукописными текстами.

Стабильное информационное пространство европоцентристской «историзирующей истории» сформулировало свои отвечавшие представлениям о точности методы его изучения, описания, систематизации. Новое, объемное пространство информационного общества не поддавалось осмыслению с помощью традиционных параметров научной точности. Попытки обращения к этим нормам всякий раз убеждали мыслящих гуманитариев в их неэффективности. Устойчивая «материя», эмпирика текста и позитивности «факта» – исчезла. Коллективные представления гуманитариев меняются перед непреложностью этой ситуации. Не подходят для новых условий позитивистские представления о тексте (Л. Февр и его критика знаменитой формулы «тексты, тексты, ничего кроме текстов»). В иерархии профессиональных ценностей историка традиционная ориентация на эмпирику текста и критику свидетельств, на фактографический подход выступает как ограничивающая исследователя: все эти «превосходные и точные инструменты», созданные «поколениями тружеников, которые получили их от своих предшественников и сумели усовершенствовать в процессе труда»[45], уже недостаточны. Научное сообщество историков оказывается в ситуации выбора.

2.1.2. Новое информационное пространство

Процесс глобализации и формирования информационного пространства новейшего времени актуализировал проблему пересмотра познавательных возможностей гуманитарных наук. Самоидентификация научных сообществ происходила в условиях альтернативного выбора: либо отказа от строгой научности, либо ее принятия как принципиального постулата. Теоретическая неясность различения познавательных возможностей наук о природе и наук о духе открывала перспективы неоднозначных интерпретаций и неслучайно вызывала поэтому методологические дискуссии[46]. Суть проблемы состоит в том, что отказ от принципов строгой научности означает по существу отказ (для гуманитарных наук) от статуса науч-

[44] «Готовность гончара превратиться в раба своей глины» (*Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 16).

[45] *Февр Л.* Лицом к ветру // Бои за историю. С. 47.

[46] К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.

ности как таковой и принятие интуитивистских стратегий постижения человека и его истории. Поэтому в начале XX в. Э. Гуссерль обосновывал идею единства общенаучных критериев, подчеркнув это самим названием работы, посвященной научному статусу философии: «Философия как строгая наука»[47]. При интуитивистских стратегиях неизбежно смещение границ науки и искусства, нет четкого различия индивидуальных убеждений от общенаучных истин. В работе «Логические исследования» Гуссерль подчеркивал: «При таком состоянии науки, когда нельзя отделить индивидуальных убеждений от общеобязательной истины, приходится постоянно возвращаться к рассмотрению принципиальных вопросов»[48]. Прозорливость этого суждения легче оценить теперь, когда общество и культура высвобождаются от воздействия околонаучных «как бы» суждений и с присущими им оговорками типа «как бы» или «не то слово». Но тогда, в начале века, эту мысль приходилось разъяснять: миросозерцание – картина мира, складывающаяся в представлениях отдельной личности, – это одно, а наука – другое. Наука является одной из одинаково правоспособных ценностей, но она имеет свою, только ей присущую логику. Миросозерцание есть создание личности, «наука же безлична. Ее работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу вечных значимостей, которая должна служить благополучию человечества»[49]. Понятие строгой науки особым образом формирует и иерархию профессиональных качеств ученого. Он должен не просто владеть профессиональными исследовательскими методами, но быть в состоянии рефлексировать над ними, совершенствовать их, должен «уметь дать удовлетворительный ответ о логической правильности этих методов и о пределах их правомерного применения». Поскольку «все науки действуют методически в своем стремлении к истине», то их приемы и методы, считает Гуссерль, должны образовать особую логику данной науки, которую он называет наукоучением. Он подчеркивает, что «сравнительное изучение этих методических средств, в которых отразились познания и опыт бесчисленных поколений исследователей, и может помочь нам установить общие нормы для подобных приемов, а также правила для их изобретения и построения сообразно различным классам случаев»[50].

Системную логику исследовательских методов исторической науки и представляет собой «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского. Для формирования представлений об истории как строгой науке этот факт имеет принципиальное значение. Движение к метадисциплинарному общегуманитарному уровню знания о человеке данная концепция выводит из самой исследовательской практики историков, изнутри профессиональной деятельности.

Общие ориентации научного сообщества историков на протяжении XX в. в их господствующих коллективных представлениях были обратнонаправленными. Ориентируясь на решающую роль историка в процессе познания, логично было обратиться к освоению новой фактической информации, поступающей извне – географии, антропологии, искусства, литературы, истории техники, психологии, экономики.

Итак на протяжении XX в. произошли значительные сдвиги в отношении к проблематике гуманитарного знания и особенно – к его методологии. Научную и философскую мысль активизировала реальная необходимость выхода за пределы европоцентристского мировосприятия, обращения к новым моделям многополюсной глобальной истории человечества и его культуры. В мировом сообществе в первой половине XX в. была наиболее влиятельной модель субъективистского преодоления возникших исследовательских трудностей: переход от европоцентристской к глобальной исторической науке представлялся возможным путем небывалой интенсификации личных познавательных возможностей практикующего исследователя. В рам-

[47] *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994 (впервые в русском переводе в 1909 г.).

[48] *Гуссерль Э.* Логические исследования // Там же. С. 181.

[49] *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. С. 172.

[50] Там же. С. 189.

ках данной парадигмы он, отринув традиционные формализованные («позитивистские») критерии исследовательской методики, осуществляет прорыв к новой проблематике, восполняя неизбежные при существующем состоянии науки в целом пробелы в информации о реальностях многополюсного мира интуитивным, почти иррациональным импульсом, своей способностью к сопереживанию, симпатии к миру прошлого. Он осуществляет подбор не столько источников, сколько «оснований», а затем осуществляет индивидуальный синтез рассмотренных очевидностей, переживая опыт прошлого в своем сознании. На этой концептуальной основе историческая наука надолго отодвинула за пределы актуальности вопросы совершенствования профессионального, прежде всего источниковедческого мастерства, выведя весь комплекс соответствующих проблем на уровень служебных вспомогательных дисциплин и даже технических услуг. Соответственные изменения претерпела образовательная модель гуманитарного образования. Фундаментальные для гуманитаристики проблемы формирования информационных систем, типов документирования гуманитарной информации, ее структурных особенностей и интерпретации перестали рассматриваться эпистемологически. Во второй половине XX в. стали вполне очевидны процессы глобализации экономических, политических, информационных взаимодействий, стала осознаваться, под влиянием самой реальности социокультурных процессов, необходимость их междисциплинарного и прежде всего философского осмысления. Но это осознание происходило в столкновении с той образовательной моделью, которая не давала специалистам необходимых постулатов для интеграции, к которой они стремились. Обращаясь к современной эпистемологической литературе, к ее наиболее заметным и влиятельным концепциям, мы убеждаемся в том, что они развиваются прежде всего в пределах информационно-языковых универсалий. В центре внимания проблемы обмена информацией (прежде всего в функции управления) и речевого (непосредственного или опосредованного) интеракционального взаимодействия. Господствующая парадигма исходит из представления о том, что речь, способность понимания речи, язык есть определяющее свойство человека. В свою очередь, развитие лингвистики «заключалось в том, чтобы понять и увидеть язык как целое, как систему». Лингвистика перестала быть наукой о языках и стала наукой о языке. Это и дало «блестящие перспективы в вопросах типологии лингвистических структур и универсальных законов»[51]. Прямая связь между системным подходом к феномену и возможностями типологии и компаративистики ярко выражена в ситуации современной структурной лингвистики. В современных гуманитарных науках эта ситуация скорее исключение, подтверждающее общее правило. Общность гуманитарной ситуации состоит в том, что предметом рефлексии становится феномен интеракционального взаимодействия, феномен речевого общения.

Вполне объяснимо, почему это происходит, почему информационно-языковые взаимодействия оказались в центре наиболее интересных и глубоких размышлений классиков гуманитаристики второй половины XX в. В отличие от традиционных обществ, общество новейшего времени оказалось под мощным давлением информационных возможностей, которые, в свою очередь, требуют осмысления. Информационное поле, окружающее современного человека, пронизано потоками высказываний, вызывающих своеобразный синдром логофобии, «беспокойство по поводу того, чем является дискурс в своей материальной реальности произнесенной или написанной вещи…»[52]. Стремление выйти из-под власти дискурсивного пространства, информационного поля, определяет направленность гуманитарных философских рефлексий, вызывающих наибольший интерес современного общества. «В нашем обществе, – пишет М. Фуко, – несомненно существует… глубокая логофобия, своего рода смутный страх перед лицом всех этих событий, перед всей этой массой сказанных вещей, перед лицом внезапного появления всех этих высказываний, перед лицом всего, что тут может быть неудер-

[51] *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М., 1996.

[52] *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к истине. М., 1996. С. 78.

жимого, прерывистого, воинственного, а также беспорядочного и гибельного бурления дискурса». Естественно желание теоретиков-гуманитариев осмыслить новую для человечества ситуацию погруженности в беспорядочную сеть дискурсов информационного общества. Фуко прямо говорит об этом желании: «не говорю – уничтожить этот страх, но проанализировать его вместе с его условиями, его игрой и его последствиями». При всем различии и своеобразии творчества философско-филологической классики современного гуманитарного познания, в ней прослеживаются несомненно общие подходы, которые важно подчеркнуть. Исследуется ситуация речевого общения, а следовательно, в центре внимания оказывается семантический аспект, проблема знака и его интерпретации. При этом по существу игнорируется различие знака и объекта. Приоритетность информационно-речевой проблематики обуславливается тем, что информационная ситуация современного общества отчетливо требует своего анализа. Другая причина связана с выбором методологий гуманитарного анализа. Историческая наука оставила (в принципе) все заботы о совершенствовании своей методологии в забвении. Профессиональные историки способны привести несколько суждений о внешней и внутренней критике «свидетельств», но эти очевидные истины не сопоставимы со сложностью информационных ситуаций новейшего времени. Напротив, филология и особенно литературоведение не оставили свою методологию без развития. Они настоятельно стремились отойти от лингвистического и литературоведческого формализма. Р. Барт в ключевой работе «От произведения к тексту» подчеркнул необходимость сложных и тонких интерпретаций текста произведения. В принципе гуманитарии не отказались бы от традиционных методик исследования как литературных, так и исторических текстов, но при ближайшем рассмотрении те оказывались малоэффективными. Позитивистские классики убежденно говорили и об изучении автора и произведения, и о необходимости установления достоверности. Но теперь приходится думать о том, что необходимо «анализировать внутреннюю экономику дискурса совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического формализма». В самом деле, – рассуждает М. Фуко, – «что такое автор?» – ведь «все дискурсы, наделенные функцией – автор, содержат эту множественность Эго»[53], иначе говоря, разве любой автор равен самому себе? А произведение? Как можно отделить то, что составляет произведение? Теории произведения не существует – к такому выводу приходит Фуко: «Слово “произведение” и единство, которое оно обозначает, является, вероятно, столь же проблематичным, как и индивидуальность автора». Итак, главную трудность для данного направления гуманитарных методов составляет неопределенность, изменчивость, неустойчивость предмета изучения. П. Рикёр пишет о «конфликте интерпретаций»[54], Р. Барт предпринимает «попытку систематического размышления о некоторых мифах повседневной жизни»[55]. Эта критика сильна своей негативной стороной, но она не создает системной методологии. Особенно ярко подчеркивает сложность современной ситуации гуманитарного познания попытка перенести методы деконструкции художественного, литературного текста на текст исторического нарратива – тексты трудов профессиональных историков. Теоретическая возможность систематизации информационного пространства культуры состоит в выявлении объективных, реальных свойств изучаемых феноменов: «Ухватить дискурс в его способности к утверждению… способность конституировать область объектов – таких, по поводу которых можно было бы утверждать или отрицать истинность или ложность высказывания»[56], – так формулировал цель научного поиска М. Фуко. Культурная ситуация очерчена достаточно ясно. Лучшим из путей к знанию, к его определенности является путь отыскания структурных позитивностей.

[53] *Фуко М.* Что такое автор? // Там же. С. 15–16.

[54] *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1994.

[55] *Барт Р.* Мифологии. М., 1996.

[56] *Фуко М.* Воля к истине. С. 78–79.

Структуралистский подход, в свою очередь, открывает возможности применения компаративистики – мощного инструмента точного и достоверного знания. Тогда становится возможным «разредить» туман дискурса, выйти из круга противоречивых конфликтов интерпретационных вариантов. «Разреженность и утверждение – разреженность, в конечном счете, утверждения, а вовсе не нескончаемые щедроты смысла, вовсе не монархия означающего», – определяет Фуко магистральный путь позитивного знания. И тут же снижает эффект сказанного иронической концовкой: «А теперь пусть те, у кого пробелы в словаре, – говорят, если петь эту песню им милее всего остального, что это и есть структурализм»[57].

Суть познавательной проблемы состоит в противоречии – между структуралистскими ожиданиями точного знания и неопределенностью самого понятия структуры. Без структуры нет компаративистики.

2.1.3. Проблематика методологии истории как строгой науки

Компаративистика ценна тем, что она возвращает к реальности окружающего мира. В мире есть системность, и, коль скоро она есть, она имеет свои проявления, а значит, может быть выявлена. «Систематика, присущая науке – конечно, настоящей, подлинной науке – есть не наше изобретение; она коренится в самих вещах, и мы ее просто находим и открываем»[58]. Это «просто» – и есть самое сложное. Как именно осуществляется логический переход от эмпирики объекта к абстракции научного понятия, и каким образом понятая «проблема» может помочь осмыслить другие эмпирические «вещи»? Отрефлексировать и логически проследить этот путь и есть главная задача феноменологии. Гуссерль отмечал, что это есть задача логики, как нормативной и как практической дисциплины, преодолевающей теоретическое несовершенство отдельных наук, наукоучения. Такое «наукоучение» для гуманитарного знания обосновано, объяснено и представлено в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Его последователи первого поколения – непосредственные ученики – определяют это наукоучение как феноменологию культуры. В то же время они отмечают, что главный труд его был выполнен в методологическом ключе, системном ее раскрытии, что было (и остается, как показало последующее развитие гуманитаристики XX в.) наиболее актуальной задачей для исторической науки. «Методологические вопросы у А. С. Лаппо-Данилевского брали как бы верх над феноменологическими, – пишет А. Е. Пресняков, интерпретируя цельное мировоззрение ученого, – однако, не по существу, но в силу состояния данной науки, с ее неразработанными методами, с ее необоснованными предпосылками, с роковой неполнотой ея разработки, с ея зависимостью от интуиции историка, заменяющей строго методический путь анализа»[59].

Фундаментальный постулат концепции – представление о системном характере объекта научного исследования. Действительность представляется в виде единого целого, которое «вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение». Возникает возможность для гуманитария – рассматривать человечество как особую часть мирового целого, а для представителя естественных наук – мыслить о природе, в которой возникает жизнь («живое вещество» В. И. Вернадского) и человечество, воздействующее на мировое целое своим творчеством. Системообразующий признак человечества как эволюционного и коэкзистенциального целого – его сознание, которое реализуется в творчестве. Человек реализует себя, выражает свой внутренний мир как творец, создатель интеллектуального продукта. Через этот продукт он может быть познан, интерпретирован другим человеком. Созданный им интеллектуальный продукт реально существует, он доступен чувственному вос-

[57] Там же. С. 91.

[58] *Гуссерль Э.* Логические исследования. С. 188.

[59] *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

приятию и в этом смысле представляет собой объект, независимый от создания исследователя. Принцип системной связи как системообразующий в изучении культуры является для данной методологии основополагающим. Это подчеркивает, в частности, Н. Д. Кондратьев – один из лучших философских интерпретаторов «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, говоря о понятии «взаимосвязанности элементов изучаемого исторического целого»[60]. Продукт человеческого творчества – произведение, он реален как факт, доступный чувственному восприятию. В свою очередь, наличие реальных, эмпирически данных «вещей» выступает как залог познаваемости и в гуманитарных науках, при всем их отличии от наук о природе. «Казалось бы, это невозможно, – разъясняет значение этого принципа Л. П. Карсавин, – ведь история изучает прошлое, а прошлое нам не дано непосредственно: то, что мы имеем, это лишь реальные остатки, оторванные от того единства, в котором они находились»[61]. Но главное, им же сказано, эти «остатки», во-первых, реальны, а во-вторых, они есть часть системного единства, а значит, несут на себе его черты, его системные качества или свойства. «Через источники, как часть минувшего, мы втягиваемся в единство этого минувшего, – познав часть, познаем и целое». Теперь нам становится ясно, что направленное изучение этих частей прошлой реальности – самодостаточная проблема. А сам процесс их изучения логически распадается на два этапа: вначале «остаток» интерпретируется как часть конкретной реальности («источник как историческое явление»), а затем открывается возможность интерпретировать саму реальность, культуру, в которой подобное явление было целенаправленно задумано, творчески реализовано, приняло именно ту, а не иную форму, структуру.

Теперь мы получаем типологию объектов культуры, а следовательно, и принципиальные возможности компаративных подходов – в глобальных масштабах, в исторической длительности, в сопоставлении общностей и различий.

Подчеркнем еще раз, какой основополагающий принцип лежит в основе данной, феноменологической парадигмы изучения человека и культуры. В гуманитаристике XX в. более полно раскрыты (до сих пор) два другие: это, прежде всего, постоянство параметров жизнеобеспечения человека (инстинктивно ощущаемые как общечеловеческие, и потому, вообще говоря, не требующие подтверждения; на них основаны компаративные исследования антропологии – способов питания, спорта, здоровья и т. п.). Другой подход основан на общечеловеческой способности понимания языка как средства общения, на которые опирается структурная лингвистика и соответствующие компаративные подходы; феноменологическая парадигма кладет в основу творческую деятельность человека и тем самым создает основу структурного источниковедения с соответствующими возможностями компаративистики как сопоставления типов, видов и разновидностей продуктов интеллектуальной деятельности, – обычно называемых историческими источниками[62].

Историческое источниковедение возникает в рамках исторической методологии и в сознании научного сообщества не отделено от нее.

Развиваясь как нормативная дисциплина, источниковедение разрабатывает познавательные модели для выявления типологии культурных объектов. Произведение создается целенаправленно. Единство цели создания формирует структуру произведения, выражает себя в ней. В определенном смысле оно есть реализованный продукт человеческой психики. Как известно, таким образом определяет произведение, исторический источник Лаппо-Данилевский. Но произведение есть и явление культуры, часть системного целого, условия появления и функционирования в ней шлифуют его структуру, формируют видовые свойства, сходства и различия.

---

[60] *Кондратьев Н. Д.* Теория истории А. С. Лаппо-Данлевского // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. XX. С. 115.

[61] *Карсавин Л. П.* Теория истории. Пг., 1920. С. 38–39.

[62] Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

В динамике современного гуманитарного знания компаративный подход выступает как своего рода опознавательный признак, выявляющий моменты выхода на метадисциплинарный теоретико-познавательный уровень. В принципе компаративный подход устремлен к постижению системного единства человечества в его коэкзистенциальной и эволюционной целостности. От эмпирики конкретных объектов, изучаемых отдельной дисциплиной, осуществляется переход к новому качественному уровню – пониманию универсалий, интерпретации структурных свойств объектов, через которые эти универсалии дают о себе знать. Так, антропологическая общность человека создала возможность компаративных исследований глобального разнообразия условий человеческого существования и жизнедеятельности – здоровья, способов питания, спорта, структур родства и социокультурных общностей. В свою очередь, при переходе от наук о языках к науке о языке, основанной на общечеловеческой способности речи и ее понимания, сформировались компаративистские направления, охватывающие процессы эволюции человечества в глобальных рамках. Мы обозначили аналогичный процесс восхождения от эмпирики первичного объекта к пониманию общечеловеческих универсалий. В рамках исследовательских методик исторических наук, а затем все более целенаправленно в рамках структурного подхода в источниковедении, – выявлялись типологические свойства культурных объектов – произведений человеческого творчества, исторических источников в их видовой специфике. Структурная модель, созданная на основании характерных видов источников, имеет познавательное значение, она дает возможность идентификации культурной общности, важна и для ее самоидентификации. Возможность источниковедческой компаративистики на основе видовых структур источников основана, как мы стремились показать, на общечеловеческой универсалии фундаментального характера. А именно – способности к целенаправленному осознанному творчеству, созданию произведений, которые затем в процессе функционирования формируют типологические свойства. Начав с выявления видовых свойств культурных объектов и специфики возникновения, функционирования и распространения этих видов, мы приходим к более глубокому пониманию фундаментальной универсалии – способности человека к созидательному творчеству. Универсалии источниковедческого подхода к человеческой деятельности и культуре дают возможность системно рассматривать профессиональные проблемы междисциплинарных взаимодействий наук в условиях междисциплинарности. В практике междисциплинарности речь идет не о суммировании различных методов или использовании методов «другой» науки. Междисциплинарность требует от специалистов выхода на более высокий, метадисциплинарный уровень, т. е. на уровень теории познания, эпистемологии: возникает вопрос общего объекта, на который направлены методы различных наук. Ведь только в этом случае возможно эффективное использование междисциплинарных подходов, с помощью которых этот объект (например, корпус исторических источников) может быть наиболее глубоко и разнообразно интерпретирован специалистами разных наук. То, что специалисты постигают и отрабатывают в совместной исследовательской практике, методами «проб и ошибок», становится еще более серьезной проблемой, когда вырабатывается стратегия современного гуманитарного образования. Необходимость существенных переориентаций в представлениях историков о своем профессионализме, о его логической природе, его фундаментальных общих основаниях, о новой образовательной модели становится вполне очевидной.

Заключение

Обращение к исторической мысли и коллективным представлениям историков в реальности конца XIX – начала XX в. выявляет три различных подхода к проблеме истории как строгой науки. Речь идет, разумеется, о тенденциях – потому что в исследовательской и других социальных практиках гуманитария эти тенденции не выступают в чистом виде. Они постоянно корректируются и взаимодействуют.

Но теоретически важно выделить и определить их смысл.

В любой науке, и историческая наука не является исключением, различаются три основные компонента. Это, прежде всего, метадисциплинарные (теоретические, эпистемологические) представления о реальных общих объектах, наличие которых и создает возможность их изучения со стороны различных научных дисциплин. Второй компонент – те свойства объекта, которые рассматривает в качестве своего предмета именно данная дисциплина, – те основания и те методы, которые они при этом используют, соответственно им выстраивая критерии и нормативы, позволяющие представить научные результаты своему дисциплинарному сообществу профессионалов-специалистов. И, наконец, третий компонент – это те методики, исследовательские техники и приемы, которые позволяют научному коллективу вести изучение отдельных вопросов и достигать при этом возможности суммирования полученных результатов.

Каждый из этих компонентов может выступать как системообразующий для того или иного направления, подхода. Существенно общим для научного сообщества, для коллективных представлений историков остается – воля к знанию. Однако, различаются они тем, что именно берется в качестве системообразующего, определяющего нормы сообщества.

Позитивизм (опираясь на стабильность своей европоцентристской концепции и ее информационной базы) выдвигает в качестве нормирующего – третий, методический компонент – уровень умений и приемов. Методологи общегуманитарного знания начиная с середины XX в. выходят на первый компонент – междисциплинарные, и далее – метадисциплинарные подходы. Импульсы общегуманитарных подходов поступают прежде всего от литературоведения, осмысления интеракциональных взаимодействий и других областей, в которых эти взаимодействия реализуются. Историки остаются дольше других в области изучений собственного объекта (второй компонент). И тогда достижения общегуманитарных подходов проецируются на историческую область исследования (например, на исторический нарратив). Тем самым они побуждают историков к метадисциплинарному диалогу. Но для историков главное – не текст, как для литературоведа. Их объект – историческая реальность, и потому для исторической науки выход на метауровень более эффективен через рефлексию собственных профессиональных проблем. Что и подтверждает источниковедческая парадигма, дающая оригинальную модель выхода на метауровень.

Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1999 г. М.: РГГУ, 1999. С. 15–23.

Теория и методология истории как университетская дисциплина

Наука как особая сфера деятельности, социальная функция которой состоит в предоставлении нового, систематизированного и надежного знания о действительности, соответственно реагирует на изменения этой действительности, и особенно, на актуализацию в общественном сознании тех или иных ее аспектов. В подвижном пространстве взаимодействий социума и профессионального сообщества выявляются приоритетные направления, систематически обогащается и расширяется сфера достоверного знания в информационном пространстве эпохи. Историческая наука не является исключением. На общем конфликтном фоне противоречивого развития процессов глобализации важно выявить ключевые ситуации, позитивные векторы взаимодействий науки и социума, открывающие возможность позитивного воздействия научного знания на ситуацию в целом. Обнадеживающей с данной точки зрения предстает происходящая на уровне массового сознания актуализация проблематики образования, с которым связываются определенные надежды и перспективы, прослеживаются связи поколений. Особенно важен интерес к гуманитарному, прежде всего, историческому в широком смысле, образованию. Важно, что вопросы историко-антропологического характера оказываются востребованными обществом.

Для профессионального сообщества ситуация в данном смысле относительно благоприятна, – ее можно интерпретировать как призыв обращения к историческому опыту в процессе гражданского становления. Поиск исторических прецедентов, соответствующих историко-сравнительных аналогий и аргументов выступает как характерная особенность повседневного информационного обмена. В принципе обращение к информационному ресурсу исторического опыта в ситуациях принятия решений на повседневном уровне, в ситуациях отношений индивида и социума, народа и власти, представляет собой важную тенденцию, способствующую становлению гражданского сознания и формированию ответственного поведения индивида. Новые общественные запросы должны, поэтому, активизировать деятельность профессионального сообщества. В центре внимания должна постоянно находиться проблематика теоретико-методологических средств для получения новой исторической информации.

Для того, чтобы активно использовать эту возможность, профессиональному сообществу необходимо перестраивать одновременно структуру науки и ее профессиональную образовательную модель. Общественный запрос на точное историческое знание актуализирует проблематику теории и методологии, путей своевременного и адекватного приращения такого знания. При таком подходе актуализация теории и методологии, которая повсеместно ощущается в настоящее время, особенно в университетской среде, является важной новой тенденцией, проявляющей себя с конца прошлого и начала нынешнего века. Это важный индикатор происходящих в сообществе продуктивных и перспективных перемен.

Дело в том, что включение теоретико-методологического комплекса дисциплин в структуру науки и особенно в учебную практику университетского преподавания имеет принципиальное значение. Независимо от степени полноты и подробности изложения конкретных проблем, методологический комплекс, выступающий в качестве предмета науки и преподавания, изменяет всю ее концепцию. Образовательная модель уже не может оставаться традиционно транслирующей, воспроизводящей уже достигнутое знание. Осуществляется переход на обучение методам добывания нового, только что полученного, ранее неизвестного знания. Происходит переориентация на достижение нового научного результата, формируются критерии оценки качества этого результата, его новизны, доказательности и системности в его отношении с существующей научной картиной мира.

При любом конкретном содержании или объеме курса теории и методологии истории, его ориентированность на новый исследовательский результат, – выступает как основная структурообразующая компонента. Соответственно, данный подход обусловливает необходимость наличия следующих ключевых проблемных полей: теория, история науки, методология создания структурированного научного труда историка. Концепция курса определяется, как видим, его целеполаганием. Поскольку социум ожидает от науки надежного, точного, нового знания, то данный университетский курс соответственно должен быть ориентирован следующим образом:

• обоснование теории (возможности достижения такого знания средствами исторической науки);

• анализ истории науки с целью раскрытия основных методологических достижений на конкретном материале становления научного метода;

• определение параметров интеллектуального продукта – произведения, структурные свойства и параметры которого отвечают поставленной цели;

• представлению нового надежного системного знания по конкретной проблеме.

Первый, теоретический раздел, рассматривает систему основных философских идей, обосновывающих принципиальную возможность достижения точного знания о человеческой деятельности, реализовавшей себя в ходе исторического процесса. Так реализуется феноменологический подход: исторический процесс во всем его эволюционном и глобальном единстве предстает в виде универсального проявления человеческой деятельности. В ходе этой деятельности возникают целенаправленно создаваемые, реализованные (в вещественной форме физических объектов) интеллектуальные продукты. Историческому процессу на всем его протяжении адекватно соответствует реализованный в вещественной форме совокупный общественный информационный ресурс. Его изучение дает возможность преобразования данного информационного ресурса в новое научное знание. Наука о человеке призвана превратить эту возможность в действительность путем его выявления, введения в научный исследовательский процесс, теоретического и системного интерпретирования.

Подчеркнем принципиальную важность системного обращения к истории науки. На ее конкретном материале можно проследить, каким образом происходило становление и развитие практического, индуктивного, а затем и теоретического системного знания о методах научной истории. В новое время поиск обоснования национально-государственной идентичности инициировал становление нового направления в методологии исторического исследования. Так, например, были сформулированы такие предметные области как изучение источников. В дальнейшем системное изучение информационного ресурса всеобщей истории стало осуществляться не только на уровне практических исследований, но и на уровне теории. Особую тему в истории науки представляет вопрос о формировании теории и методологии истории как университетской дисциплины в России и Западной Европе. Данный подход к проблеме составляет содержание второго раздела курса.

Второй раздел курса – история становления исторического метода. История гуманитарного знания новейшего времени позволяет показать, как ключевые проблемы теории и методологии истории стали рассматриваться на метауровне. Это можно проследить, привлекая, в плане истории науки, теоретико-методологические дискуссии по следующим проблемам: соотношение достоверности и мифа; текста и читателя; текста и автора, речи и письма, слова и вещи, возможности извлечения из текста дополнительной информации.

Третий раздел курса – посвящен проблеме создания интеллектуального продукта – исторического произведения. Интеллектуальный продукт исторического знания формируется, как и любой другой продукт осознанной человеческой деятельности, через целеполагание, в соотношении структуры и функции. Если, как уже отмечалось, его целью является представление обществу нового знания об историческом опыте человечества, то такое произведение должно

иметь определенную структуру, отвечающую данной социальной функции. В курсе рассматривается, каковы те структурные модели, которые позволяют отличить научное произведение от других жанров.

Исторический профессионализм состоит в понимании теоретических оснований научного произведения, умении создавать такой продукт и умении применять профессиональные критерии его оценки.

Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Теория и методология истории как университетская дисциплина // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: РГГУ, 2004. С. 393–396.

II. Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания

Источниковедение: теория, история и метод

Постановка проблемы

Дискуссии новейшего времени в качестве центральной выдвинули проблему специфики наук о культуре и их альтернативности, с точки зрения исследовательской методологии, наукам о природе. Однако, вместе с тем очевидно, что если речь идет о возможностях научного познания как человеческого взгляда на мир, то эпистемология наук о жизни, о природе и о культуре представляет собой единый и целостный феномен. В любом случае главной остается проблема субъекта и объекта и их взаимодействия в ситуации исследования, познания и самопознания. Методология гуманитарных наук XX в. в процессе преодоления позитивистского подхода уделяла особое внимание проблеме субъекта. В центре внимания данного направления – гуманитарий, историк, который на основе своих мировоззренческих и профессиональных постулатов и представлений, личного опыта и способности к интерпретации исследует сложные структуры отношения человека к миру природы и миру культуры. Поэтому целесообразно более пристально рассмотреть парадигму, которая вновь обращает нас к феномену объекта гуманитарного познания. Взгляд с иной точки зрения всегда способствует более полному представлению о целом, в данном случае – о соотношении субъекта и объекта в гуманитарном познании. В этом состоит смысл современного обращения к парадигме источниковедения или, точнее, источниковедческой парадигме методологии истории. Источниковедение связано с формированием объективных оснований гуманитарного познания с позиций строгой науки. Оно обращено к реально существующим феноменам и к методу, с помощью которого логически выводится знание о том, что стоит за ними. «Сущность исторического, – писал Л. П. Карсавин, – легче и лучше всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»[63]. Источниковедение, конечно, с тех пор стало иным, но потребность в объективном познании сущности исторического несомненно не стала менее острой.

Размышления об основаниях строгой науки начинаются с определения ее объекта. В условиях становления науки о человеке, интеграции дисциплин этот вопрос особенно важен. Работа на стыке дисциплин, которой в науке придают сейчас важное значение, не может быть результатом простого сопоставления различных специальных знаний, справедливо отмечал Р. Барт, наблюдая процессы, происходившие в гуманитарных науках второй половины XX в.: в основе интеграции – вопрос об объекте, о новом языке, новом видении всего пространства гуманитарных наук[64]. Представители разных наук отвечают на этот вопрос по-разному, и лишь постепенно формируются общие методологические основания единой науки о человеке.

Наука по определению как достоверное и систематизированное знание о действительности не может обойти молчанием вопрос о своем объекте. Предполагается, что он познаваем научными средствами, если существует как явление, имеющее определенные свойства: доступность наблюдению; стабильность (обусловливающая возможность повторного обраще-

---

[63] *Карсавин Л. П.* Философия истории. Берлин, 1923. С. 288.

[64] *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413.

ния); независимость от исследователя (процедура исследования не влияет на эти свойства). Разумеется, представитель любой науки исходит из общих методологических предпосылок относительности познания, но тем не менее в науках о природе реальность вещи в себе не оспаривается, а путь к познанию прокладывается благодаря совершенствованию методов и техники исследования. Не столь однозначна познавательная ситуация в науках о человеке. Что, собственно, может выступать в качестве реального явления, доступного для научного анализа? В исторической науке, как известно, непосредственному наблюдению доступно весьма немногое. Что же касается явлений человеческого общения, к которым широко прибегают науки, пользующиеся данными полевых исследований, то даже при условии фиксации явлений общения (устная история) или целенаправленного эксперимента (опросы, интервью и пр.) существуют огромные трудности познания, связанные и с интерпретацией полученных данных, и с возникающим взаимодействием субъекта и объекта (подчас, как отмечают этнологи, меняющихся местами). Вопрос о внешних проявлениях внутреннего мира человека – самый сложный вопрос гуманитарного познания, к которому со времен В. Дильтея не перестают обращаться наука и теория познания. И он сводится отнюдь не только к проблемам интерпретации.

Сложные познавательные проблемы выступают на первый план в том случае, когда мы ставим вопрос о феномене человечества и о будущем единой науки о человечестве. Человечество есть часть мирового целого, его особенная, наделенная сознанием часть[65]. В свою очередь, оно может изучаться лишь как целое – эволюционное и коэкзистенциальное целое человечества. Как при таком подходе решается вопрос об источниках познания этого целого? Как представить целостную совокупность источников познания, адекватную данной познавательной цели?

Мы исходим из того, что науки о человеке (точнее, о человечестве) располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для наблюдения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Мы имеем в виду целостную совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками познания (в традиционной терминологии – историческими источниками). Эти произведения (исторические источники всех типов, видов и форм фиксации) представлены в материальной форме. Как объекты исследования, они независимы от познающего субъекта, потому что созданы для других целей и в другое время; в своей совокупности отражают взаимодействие человека с природой, обществом, государством и другим человеком, реализующееся в глобальных рамках человеческой истории.

Важно подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, среды, культуры), в момент их создания и последующего функционирования соотнесены между собой. Каждое из них может быть интерпретировано лишь с учетом этих системных связей. Данное положение еще недостаточно осознано и мало изучено. Любая наука – история, социология, психология – обращается к источникам социальной информации, но делает это, как правило, избирательно. Совокупность произведений, рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, является предметом источниковедения. Для источниковедения (как науки об источниках) эти произведения выступают и как объект, и как предмет изучения. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля. Изучая свойства источников, источниковедение на реальной основе разрабатывает методы получения социальной информации различного рода, методы ее критической проверки и истолкования и формирует критерии оценки произведений как явлений культуры. Поэтому источниковедение для историка (социо-

[65] См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 331.

лога, этнолога и пр.) не только вспомогательная дисциплина, как это представлялось в рамках традиционной методологии истории, но самодостаточная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает (пока еще не всегда целенаправленно) специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Поэтому гуманитарий должен ясно представлять себе, что такое источниковедение, его метод и перспективы развития. Источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности.

Объект и субъект исторического познания

Гуманитарные науки развиваются под воздействием сложных явлений действительности, отражая осознание человечеством новых для себя проблем и поиск путей их решения. Открытия, сделанные в специальных областях знания, вызывают изменения всей системы наук о человеке в целом. Источниковедение со своим методом также существует в общем пространстве гуманитаристики и также занято поиском конкретных ответов на общие требования времени. Поэтому прежде всего следует остановиться на общей ситуации в современном познании.

В XX в. стали очевидны глобальный характер и взаимосвязанность всех социальных процессов. Социальные факты новой реальности не находят непосредственного отражения в источниках традиционного типа – они требуют конструирования моделей явлений, а не их описания. Человеческая личность в условиях господства стереотипов массового сознания оказывается перед альтернативой утраты своей уникальности или острой борьбы за нее. Стабильная, в основном европоцентристская база источников информации, разработанная в предшествующие столетия, и соответствовавшие традиционным задачам методы ее исследования в новых условиях выявляют свою неполноту и несовпадение с задачами изучения того «молчаливого большинства», чьи настроения все сильнее влияют на ход социального процесса. Традиционные методы социальных наук требуют переосмысления.

Гуманитарные науки новейшего времени восприняли вызов времени как необходимость исследования не столько объектов, сколько взаимодействий и взаимовлияний человека и космоса, людей между собой. Понятно, что исследовать взаимодействия труднее, нежели объекты. Взаимодействие изменчиво, преходяще, с трудом интерпретируется, неадекватно отражено в источниках. Поэтому каждая из гуманитарных наук вынуждена заново осмысливать свой объект, расширяя возможности наблюдения взаимодействий. Социологи создают сложные модели взаимодействия индивида и социума (теория зеркального «я», теория социального действия и др.), историки – модели отношения историка как субъекта познания со своим (уже ненаблюдаемым) объектом. Резко возрос интерес к таким наукам, которые ставят процессы взаимодействия и общения в центр своих исследований (информационные науки и науки о языке, их интерпретационные аспекты). Выявилась главная теоретико-познавательная трудность гуманитарного познания: цель гуманитаристики – изучение человека, но ясно, что «человек как целое не объективируем… Нельзя спутать объективно предметное в человеке в эмпирическом смысле с ним самим как экзистенцией, открывающейся в коммуникации»[66].

Действительно, наука о человеке стоит перед огромными трудностями его познания. Как познать человека, внутренний мир которого скрыт от внешнего наблюдателя, не объективирован? Он не может быть понят и объяснен с помощью индивидуального личного опыта самого исследователя. Возможность постигнуть Другого В. Дильтей считал одной из самых сложных теоретико-познавательных проблем. Как может индивидуальность Другого стать объектом научного, общезначимого постижения? Этот фундаментальный вопрос вновь и вновь возникает перед исследователем гуманитарного познания. «Каким образом жизнь, выражая

[66] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 11.

себя, способна объективироваться? Каким образом она, объективируясь, выявляет значения, которые поддаются обнаружению и пониманию другим историческим существом, преодолевающим свою собственную историческую ситуацию?»[67] Для ряда направлений гуманитарных наук новейшего времени центральной оказывается проблема выявления человеческих взаимодействий, их наблюдения и фиксации, интерпретации и анализа полученных данных.

Социология как наука, ориентированная на изучение, прежде всего, современного общества, располагает большими возможностями для такого подхода. Она вполне может включать в сферу своего наблюдения явления, происходящие *здесь* и *теперь* – в присутствии исследователя, и даже создавать ситуации, благоприятные для такого наблюдения. Это определяет особый интерес социолога к изучению социальных явлений и взаимодействий с помощью интервью, анкетирования, опросов и тому подобных методов и к возможностям технической фиксации процессов общения (устная история). Социальный индивид, который формируется и действует в условиях межиндивидуальных взаимодействий, оказывается в центре внимания. Феномен интеракционизма – межиндивидуального взаимодействия, общения, передачи сообщения – с начала XX в. анализируется в категориях социологии, психологии, информационных наук. Одна из интересных попыток анализа интеракционизма принадлежит П. А. Сорокину. Он определяет социологию как науку, которая изучает явления взаимодействия индивидов друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из процесса взаимодействия, – с другой[68]. В свою очередь, взаимодействия людей отражаются и реализуются в их поведении, находя выражение во внешних проявлениях, «доступных наблюдению и констатированию», что для Сорокина, строившего свою концепцию социологии как строгой науки, принципиально важно. Он стремится «свести до минимума» психологическую интерпретацию процесса общения, понимая всю ее сложность, и сосредоточиться на изучении «внешних, доступных наблюдению фактов и процессов». Сорокин ориентирован на использование возможности естественно-научной трактовки явлений общения. «Явление взаимодействия состоит из трех элементов, – пишет он, – индивидов, их актов (актов взаимодействия) и проводников». Его особенно занимает феномен проводников, с помощью которых осуществляется взаимодействие, – ввиду их реальности, объективированности и, следовательно, возможности наблюдения за ними. Проводники для передачи сообщения он классифицирует (хотя и не вполне логически последовательно). Среди них он различает звуковые, световые, механические, тепловые, электрические, вещественные, знаковые (гербы, татуировка) и, наконец, письменные. Как контактные звенья цепи проводников у него выступают и люди.

Попытка Сорокина представить в одном функциональном ряду явления («проводники»), имеющие различную природу, – физические, биологические, психологические и социальные – подчеркивает многоаспектность феномена взаимодействия, которое отнюдь не сводится к сумме его элементов. При выделении одного из них в качестве главного возникает опасность упрощенной трактовки данного феномена. Именно по этой причине многие оппоненты Сорокина указывали ему на излишнюю увлеченность поведенческими теориями в духе бихевиоризма. Об этом говорили историк Н. И. Кареев, философ И. И. Лапшин, социолог К. М. Тахтарев[69].

Феномен поведенческих реакций на стимулы внешней среды действительно невозможно интерпретировать в рамках только естественно-научного, равно как и только гуманитарного подхода. Однако на том этапе, когда науки о природе и науки о культуре акцентировали внимание на своих различиях, а не на фундаментальной общности, данный феномен получал в

---

[67] *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1994. С. 6.

[68] *Сорокин П. А.* Система социологии. Социальная аналитика. Пг., 1920. Т. 1. С. 2. См. также: *Сорокин П. А.* Система социологии: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 57.

[69] См.: *Сорокин П. А.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 248–253. (Диспут профессора Сорокина 1922 г.).

альтернативных парадигмах неадекватную одностороннюю трактовку. В условиях данной гносеологической альтернативы сформировалось одно из важнейших новых направлений знания – наука об управлении и передаче информации[70]. Не случайно возникли и столь значительные трудности в понимании природы основных для данного направления понятий (прежде всего понятия об информации).

Гуманитарные науки получили в XX в. огромный приток новых социальных, этнологических, антропологических данных, в первую очередь при изучении форм первобытного *мышления* и коммуникации, психоанализа. Мощным фактором развития общественных наук стало осознание роли масс в истории и политике. Внимание гуманитарных наук заметно концентрируется на изучении типологии социальных явлений, поведения и социальной психологии классов, сословий, групп и их лидеров. На абстрактно-теоретическом уровне моделируется способ формирования социокультурного типа – гипотетического индивида, его поведения, а также форм и методов его изучения. Выявляются все новые перспективы познания феномена индивида, социальных организаций и структур, факторов экономического, политического, идеологического влияния на поведение сообществ. Активизируется исследование феномена общения в нескольких направлениях. Одна из групп проблем и соответственно методов исследования связывается с интерпретацией феномена общения. Символический интеракционизм – как направление – главное внимание уделяет символическому содержанию взаимодействий: на вербальном и невербальном уровнях, на уровне понимания, расшифровки смыслов, соотнесения способов мышления и картин мира участников общения. Другая группа проблем обусловлена изучением картины мира индивида, его опыта. В интеракциональном мире, – считал известный философ и социолог А. Шюц, – а мир именно таков, представления индивидов изначально интерсоциализированы: в представлениях индивидов и их общении имеет место ряд факторов, формирующих различия структуры социального мира каждого из индивидов, способы типизации в конструктах повседневного мышления (я-мы-вы-они). В общении существуют различие и соотнесенность перспектив (то, что означает объект для одного индивида, не всегда то же самое в представлении другого; относительная адекватность системы релевантностей – совпадающие представления об объекте); различие способов обращения с вещами и людьми, привычек и нравов; социализированность распределения знаний, поскольку объем знаний индивидов различен. Соответственно, различны язык общения, имена, события. С помощью данного подхода становится очевидна необычайная сложность структуры повседневного мышления и неоднозначность ее интерпретаций.

Для новейшего времени, когда состояние массового сознания, общественных настроений и векторов их изменения стало играть решающую роль в развитии социальных конфликтов эпохи, вполне объясним интерес гуманитариев к проблеме повседневного мышления, к типизации, моделированию типов индивидов и моделей социального действия, стереотипов сознания и подсознания, которые разрабатываются социологами, а также этнологами, историками, экономистами, политологами, исследователями социальной и исторической психологии, ментальности, структур мышления. Это направление в социологии, берущее начало в трудах Ч. Кули и Д. Мида, нашло свое продолжение в теории социального действия Т. Парсонса. Следует подчеркнуть, что данное направление оставляет в стороне важную, а в категориях разрабатываемой в методологии источниковедения концепции фундаментальную черту человеческой личности – ее способность к творчеству и созданию произведения. Исследователи структур повседневного мышления, конечно, не могут абстрагироваться от вещественных реалий мира, действительности, но они рассматривают их как бы извне – не со стороны их создания, а со стороны их восприятия индивидом. Индивид формируется, существуя «в мире объ-

[70] См.: *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.

ектов с определенными качествами»[71]. Вполне верно Шюц отмечает, что «объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т. п. – самим смыслом своим указывают на деятельность человеческих субъектов… Я не могу, – продолжает ученый, – понять объект культуры, не соотнося его с деятельностью, благодаря которой он возник». Шюц даже считает, что такой подход – основа постулата субъективной интерпретации в социальных науках: приходится выяснять, если рассматривается инструмент, «для чего он создан», а если рассматривается знак, символ, институт – «что он означает». Но в представляемой Шюцем концепции повседневного мышления вещи исследуются совершенно с другой стороны: как некий мир объектов культуры, воздействующий на индивида. В рамках данной социологической концепции мир объектов культуры, мир вещей предстает как абстракция, приобретающая самодовлеющий характер. Акцент делается не на том, как вещь создается человеком, а на том, как мир вещей воздействует на человека. Этот способ восприятия и его воздействие на психологию ранее анализировал Э. Дюркгейм, замечая, что вещи, созданные человеком, не абсолютно покорны нашим целям, но имеют свою логику развития. В свою очередь, социальная жизнь, которая таким образом кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах, тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне[72]. Действительно, мир, в котором индивид рассматривается вне того, что он создает или изменяет, но в котором он сам является объектом воздействия, может принимать в его глазах весьма причудливые очертания. Важнее подчеркнуть другое, негативное, следствие данного подхода, не психологическое, но гносеологическое: нельзя понять человека как личность. Ведь человек проявляется – отметим еще раз основной постулат методологии источниковедения – не в том, о чем он вожделеет или что стремится приобрести. Здесь он менее индивидуален, легче типологизируется. Вне того, что человек создал, ничего конкретного о нем, как о личности, сказать нельзя. Данное направление, разумеется, имеет свою познавательную ценность. Оно обращено к исследованию природы мира повседневности, взаимодействий людей, в которых формируется опыт индивида, складывается иерархия ценностей, представлений, типов поведения. Становится возможным выстроить модель того или иного социокультурного типа, соотнесение с которым, в свою очередь, объясняет поведение индивида как представителя данной группы, социальной среды, эпохи. Большие возможности данный подход открыл в середине 50-х годов и перед историками, когда в сферу исторических исследований было введено понятие ментальности. «…Это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»[73].

Однако данный подход, как типологизирующий метод вообще, не объясняет личностного своеобразия. Шюц признавал, что «нам никогда не удается “схватить” индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации»[74]. В чем причина этого? На наш взгляд, в том, что в своих установках и поведении индивид выступает как типичный представитель той или иной группы, соответствующей ментальности. Неповторимой личностью его делает только творческий процесс создания произведения. Такая постановка проблемы выводит нас на главную идею источниковедения. Но обратимся пока к другим аспектам современных гуманитарных наук.

Социальная и культурная антропология, изначально обращаясь к исследованию традиционных обществ и социокультурных общностей, находившихся на ранних ступенях развития,

---

[71] *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 130.

[72] См.: *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

[73] *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 52.

[74] *Шюц А.* Указ. соч. С. 134.

и позднее расширив область своих исследований, обогатила гуманитаристику новыми возможностями сравнительного подхода. При этом в центре внимания ученых прежде всего оказались типы организации социальной жизни, повседневного мышления, способов общения. Наиболее сложными явились проблемы методологии исследования феномена социальных взаимодействий, и прежде всего проблема интерпретации символики – явных и скрытых, вербальных и невербальных, осознанных и неосознанных знаков общения. «Этнология, – писал М. Фуко, – подобно психоанализу, ставит вопрос не о самом человеке, как он может проявиться в гуманитарных науках, но об области, которая делает вообще возможным знание о человеке; подобно психоанализу, она пересекает все поле знания, стремясь в своем движении достичь самых крайних его пределов»[75].

Развитие социологии и этнологии высвечивает новые стороны гносеологической проблемы соотношения субъекта и объекта в гуманитарном познании. На основании данных полевых исследований, опросов и интервью, в ходе которых накапливается конкретное новое знание, по существу, трудно говорить о строгом разграничении субъекта и объекта. Эти методы не предполагают отстранения субъекта от объекта: наблюдатель непосредственно включен в общение и, со своей стороны, в процессе общения влияет на результат. Та же проблема возникает в полевых наблюдениях этнолога. Здесь исследователь и исследуемый поочередно меняются ролями или являются и тем и другим одновременно. Поле взаимодействия оказывается подвижным, меняющимся, нераздельным. Таким образом, социокультурная реальность переосмысливается в процессе вербальной коммуникации, утрачивая однозначность объективных характеристик. Своеобразные интерпретации этой общей познавательной ситуации гуманитарного знания представлены в современных трудах по проблемам методологии исторического исследования. Очевидно, что трудности познания жизненного мира людей настоящего времени при изучении прошлого еще более увеличиваются: сложнее восстанавливать утраченные с реальностью прошлого (от которой остались лишь неоднозначно трактуемые следы событий и явлений) взаимосвязи.

Историческая наука новейшего времени оказалась перед необходимостью выработать прямые ответы на те вопросы, которые не вставали перед обществом ранее, и причем сделать это быстро. В противном случае ей не удалось бы сохранить, и тем более приумножить, свой престиж. Поле исторических исследований расширилось как в пространстве (весь мир вместо ойкумены Средиземноморья), так и во времени, что предполагает иное видение исторических явлений и процессов. Исходя из задач, которые поставила глобальная социальная реальность послевоенного мира перед наукой, необходимо было кардинально пересмотреть основу профессионализма самой науки. В наследство досталась традиционная и хорошо разработанная научная база источников и фактов, в целом адекватно отражавшая европоцентристскую концепцию исторической науки и отвечавшая ее задачам. В той исследовательской ситуации совпадали задачи историографии, методы отбора и изучения источников, проверки достоверности фактов (прежде всего политической, дипломатической, психологической и событийной истории). Представления о ходе истории как ученых, так и авторов изучаемых ими, по преимуществу нарративных, источников в чем-то существенном были конгениальны, и потому методы научной критики позволяли достичь желаемых точности и искренности свидетельств. Это создавало определенный психологический имидж ученого и формировало его позитивный образ в общественной психологии. Осознание новой реальности, которая зарождалась далеко за пределами географических и культурных рамок традиционной науки, все изменило.

Осмысление процессов, происходивших в качественно новом мире после Первой мировой войны, стало центральной проблемой гуманитарных наук, каждая из которых шла своими путями. Усилилась критика позитивистской парадигмы. Субъективными препятствиями на

[75] *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 396.

пути нового исторического мышления стали стереотипы в сознании самих историков. В них виделось тогда чуть ли не главное препятствие для перехода историографии на новый уровень. Борьба за исторический синтез, против описательности, за становление и развитие концепции глобальной и всеобъемлющей, тотальной истории принадлежит к числу ярких достижений гуманитарной мысли новейшего времени[76]. На возникающие вопросы традиционные источники не имели прямых ответов. Поэтому на первый план выдвинулась проблема критического пересмотра отношения между историком, источником и историческим фактом.

Борьбу за становление исторической науки нового типа возглавил основанный в 1929 г. Л. Февром и М. Блоком журнал «Анналы», сыгравший выдающуюся роль в методологии истории. Узость проблематики традиционной историографии, ограничение источниковой базы письменными документами ранних эпох европейской истории, упрощенное представление об историческом факте стали мишенью острых критических суждений. Л. Февр оспаривает возможность буквального следования знаменитой формуле Ланглуа и Сеньобоса о том, что история пишется по документам, и если их нет, то нет и истории[77]. Перед глазами ученых новых поколений постепенно вырисовывалась глобальная и тотальная историческая наука. «Эпитет “тотальный” предполагает, что историческая наука охватывает все стороны жизни человека и общества, в том числе и такие, которые, казалось бы, не имеют истории… т. е. те исторические реальности, которые с трудом поддаются изменениям с течением времени и выступают в истории в роли своего рода инертного заполнителя, балласта, а зачастую даже тормоза исторического движения. Речь идет о ментальных, демографических структурах, технологических приемах»[78]. Начав с критического анализа позитивистских доктрин ремесла историка, ученые рассматриваемого направления поставили в центр научного исследования отношение субъекта познания к его объекту. «Анналы» перевернули историографию сочетанием трех основных идей, отмечает Ж. Ле Гофф и выводит на первое место «отношения между историком, историческим памятником и фактом истории»[79]. В рамках данной концепции историк предстает как активная творческая личность: он ставит проблему, отбирает источники, интерпретирует их и к нему, «как опилки к магниту», подтягиваются необходимые данные документов[80]. Мощная мысль ученого должна преодолеть молчание источников (по Ключевскому, «торжество исторической критики – из того, о чем говорят источники, догадаться – о чем они молчали») с помощью интерпретации, перекинуть мосты гипотез, преодолевая огромные пробелы в источниковой базе. Эти пробелы предполагалось заполнять прежде всего путем установления междисциплинарных контактов исторической науки с гуманитарными или даже естественными науками (например, при технической интерпретации археологических находок, о чем писали Л. Февр и М. Блок) – этнологией, исторической психологией.

Субъект истории создает новое видение, воспроизводит прошлый опыт в своем сознании[81], создает свой объект[82].

Глобальная история должна опираться на широкую, совершенно иную эмпирическую базу источников, нежели та, которой располагает историческая наука в настоящее время. Западная наука в ходе осмысления этой проблемы предложила два варианта ответа, в которых есть нечто общее: они как бы выводят решение этой проблемы за пределы собственно исторической методологии; один из подходов к проблеме глобальной истории – философский. «… Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что

---

[76] См.: *Berr A.* La synthèse en histoire. Essai critique et théorétique. Paris, 1911; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

[77] См.: *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1899.

[78] *Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 37.

[79] Интервью с Ж. Ле Гоффом // Мировое древо. 1993. № 2. С. 163.

[80] *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 39.

[81] См.: *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.

[82] См.: *Marrou H. I.* De la connaissance historique. Paris, 1975.

это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе»[83]. Другой подход – междисциплинарность, понятая в первую очередь как использование одной наукой данных, добытых другими науками. «Сосредоточить на одном и том же объекте взаимные усилия различных наук – вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей, стремящейся покончить с изолированностью и самоограничением»[84]. Вопрос о реальном объекте исследований, имеющих общую цель – становление глобальной истории и всеобщей науки о человеке, в обоих подходах остается тем не менее открытым.

Несомненно, данные подходы явились мощным стимулом для развития гуманитарных наук. Отметим, в частности, интересную концепцию коллективного труда «История и ее методы», в котором приняли участие выдающиеся ученые Франции, разрабатывавшие вопросы исторического метода. Издание, вышедшее под руководством историка и палеографа академика Ш. Самарана, имело целью представить методы исторической науки в их единстве, объединяющем то ценное, что накопил многовековой опыт исследования источников, подходами, ориентированными на реальность новейшего времени. Именно поэтому Ш. Самаран во введении к изданию обосновывал новую, более широкую трактовку фундаментального для исторической науки понятия «документ» (источник), при этом он стремился показать, что формула «история создается по документам» в данной интерпретации сохраняет свое значение[85]. Проблемы собирания, хранения и исследования источников находятся в центре внимания авторов издания «История и ее методы». Об изменениях в развитии исторической мысли и менталитета историков во второй половине минувшего века говорят и другие ученые. Так, историк Ж. Дюби отметил некоторые сдвиги в отношении к проблеме источника как реального объекта исследования для историка. «У историков появилось стремление, – пишет он, – видеть в документе, в свидетельстве, т. е. в тексте, самостоятельную научную ценность»; по-видимому, возникло более ясное понимание того факта, что «единственная доступная им реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого»[86]. В этом высказывании, как видим, известное классическое определение источника как «следа» (Ш. Ланглуа) звучит без тени иронии.

Таким образом, гуманитарное познание новейшего времени проявилось в активном, настойчивом стремлении к преодолению позитивистской парадигмы. Она предстает как весьма наивное отождествление мира культуры с миром вещей, чувственно воспринимаемых объектов познания, как невозможность отделить явление от сущности. Критическое преодоление данного представления проходило главным образом на основе неокантианского противопоставления наук о природе и наук о культуре. Формула познавательной ситуации наук о природе (объект-субъект) в науках о культуре предстает в перевернутом виде (субъект-объект). В неокантианской парадигме субъект (историк, гуманитарий вообще) воссоздает в своем сознании новую реальность. Возникает эффект неразделимости субъекта и объекта, невозможности их логического размежевания. Место логических методов и исследовательских процедур, которые детально разрабатывались в позитивистской методологии, придававшей верификации знания принципиальное значение, занимают прежде всего эмоционально-психологические способности познающего субъекта (симпатия, сопереживание, способность воспроизведения утраченной реальности в собственном сознании). Итогом труда историка становится, по существу, новый образ прошлой реальности, новый интеллектуальный объект.

Данный подход к проблеме исторического познания и исторического творчества отнюдь не противопоказан гуманитарным наукам – он становится мощным импульсом для созда-

---

[83] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 28.

[84] *Февр Л.* Указ. соч. С. 20.

[85] См.: Histoire et ses méthodes. Paris, 1961.

[86] *Дюби Ж.* Указ. соч. С. 58.

ния талантливых произведений современной культуры. Их ценность в том, что они являются новыми, современными интерпретациями прошлого, новыми объектами культуры. Неразделенность субъекта и объекта познания – главная идея данного подхода. Однако эта неразделенность имеет и негативную сторону: за кадром остается суверенный голос прошлого, если не поставить целью исследования оценку самодостаточности его социальной информации. Неразграниченность феномена культуры (произведения, источника) и его последующих интерпретаций в иной социальной реальности – такова познавательная ситуация гуманитарных наук с позиций философской герменевтики. Неразграниченность феномена культуры (как самодостаточного) и его меняющихся интерпретаций (в процессе восприятия и понимания) является в рамках данной парадигмы данностью. Соответственно разграничение феномена и интерпретации нереально, да и нежелательно, оно предстает как наивное упрощение[87]. Отметим, что в данном подходе в центре внимания оказывается эмоциональное восприятие. Не случайно эта ситуация и рассматривается методологами прежде всего применительно к особому – высшему типу произведений – художественному творению[88].

При таком подходе, однако, остается в стороне проблема критериев научности познания, логических категорий, в которых приращение научного знания может и должно быть показано в принятых научным сообществом параметрах. Дальнейшего исследования требует проблема неразделенности феномена и его восприятия. Ведь действительно существует то «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки…»[89].

Источниковедческая парадигма методологии истории, которая рассматривается в данной работе, в своей философской основе несомненно преодолевает неокантианское релятивистское понимание проблемы «субъект-объект» познания. Она оказывается более близкой феноменологии, поскольку признает феномен культуры в качестве реального объекта, с одной стороны, и его восприятие познающим субъектом – с другой. Однако данная парадигма, в отличие от феноменологии, по-своему решает проблему «субъект-объект». Для нее не свойственно видение этой проблемы как «заколдованного круга» (как, например, у П. Рикёра). Напротив, проблема приобретает логическое и достаточно ясное решение.

Противоречивость познавательной ситуации в гуманитарных науках остается предметом пристального внимания методологов и историков науки. Преодолеть релятивистский подход стремятся феноменология и философская герменевтика. Феноменология рассматривает оба компонента – и феномен, существующий в реальности, и его восприятие познающим субъектом. «Надо решительно выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии»[90].

Феномены культуры и творчество познающего субъекта создают особое поле напряжения, характерное для данной познавательной ситуации[91]. Субъект не просто наблюдает реальность (позитивизм), не только создает особую реальность, но достигает некоего синтеза, вслушиваясь в Бытие, и в поле напряжения, между двумя полюсами – феномена и исследователя, возникает момент высокого понимания. Отсюда возрастающий интерес и к историко-критической герменевтике, с одной стороны, и к философским проблемам интерпретации – с другой. Сначала произведение анализируется как часть реальности того целого, в котором оно возникло, и только затем воспринимается в реальности, в которой существует познающий субъект

---

[87] См.: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

[88] См.: *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.

[89] *Фуко М.* Указ. соч. М., 1994. С. 374.

[90] *Рикёр П.* Указ. соч. С. 9.

[91] См.: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

(два этапа источниковедческого анализа). В этом случае становится возможным синтез научного понимания и научного объяснения (источниковедческий синтез).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.